

Страсти в Гареме

Осун
Назарук

Роксолана

Королева Востока

Осип Назарук

Роксолана: Королева Востока

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6057328

Роксолана. Королева Востока / Осип Назарук: Алгоритм; Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0426-2

Аннотация

Знаменитый телефильм «Великолепный век» привлек внимание всего мира к выдающейся фигуре славянской рабыни Роксоланы, ставшей супругой Сулеймана Великолепного – самого могущественного султана Османской империи. Однако загадочная личность Королевы Востока (как называли Роксолану европейские послы) притягивала внимание писателей и историков задолго до возникновения самого популярного в наши дни турецкого фильма.

Исторические книги утверждают, что эту девочку звали то ли Анастасия, то ли Александра Лисовская и жила она на территории нынешней Украины. Неудивительно, что к ее судьбе обращались многие украинские литераторы. Еще в 1930 году на украинском языке вышла прекрасная повесть Осипа Назарука «Роксолана», рассказывающая об удивительной судьбе славянки, украденной в XVI веке и проданной на стамбульском невольничьем рынке в рабство.

Новая версия жизни Роксоланы – в написанной в эмиграции книге Осипа Назарука, которая была запрещена на многие десятилетия и только сейчас снова возвращается к читателю, причем впервые на русском языке!

Книга также выходила под названием «Роксолана».

Содержание

I. Страшная свадьба	6
II. Ой битым шляхом кильимским, ой диким полем ордынским...	21
III. В краю татарских аулов	42
IV. В Крыму	47
V. В школе невольниц в страшном городе Кафе	67
VI. В неизвестное будущее	82
VII. В Царьграде на Аврет-базаре	98
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Осип Назарук
Роксолана:
Королева Востока

© Назарук О., 2013

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

I. Страшная свадьба

*Не знаешь утром, что будет вечером.
Поговорка*

Это случилось жарким летним вечером 1518 года.

Большая золотая звезда дня потихоньку садилась в самый большой пруд Подолья, который шелестел мягкими волнами воды в сверкающем озере света. Солнце словно царица готовилось ко сну на своем пурпурном ложе. За прудом виднелись белые стены Рогатина и спокойная лента тихой реки Липы.

В это время из-за синей полосы леса показались четыре воза на пустой дороге, ведущей из Львова в Рогатин. На них ехали свадебные гости. Старый львовский купец Дропан ехал с семьей женить своего единственного сына Стефана на дочери отца Луки Лисовского – священника церкви Святого Духа, что в предместье Рогатина.

Молодой Стефан, вот уже два года любивший Настеньку Лисовскую, не помнил себя от радости. Большую часть пути он прошел пешком, идя около воза, хотя над ним смеялись, мол, не попадет он от этого на нужное место быстрее.

– Не спеши, ведь не знаешь утром, что будет вечером, – говорил ему отец, уже перенявший эту излюбленную при сказку от своего свата, отца Насти, иногда навещавшего

своего брата, который был священником при церкви св. Юра во Львове. Но Стефан то обгонял возы, то отставал, чтобы свободнее придаваться своим мечтам о счастье. И не видел, не слышал ничего, кроме своей девушки рядом, хотя ее тут не было. Не видел ни синего одеяния шалфея, ни смолевок, которые колыхались в тени лесов, не видел ни золотистую дымку берез, ни ароматную мяту, ни гибкого ломоноса, ни сныти, ни желто-красного ослинника, ни спаржи, ни копытня, хотя и шел по ним.

– Для него теперь папоротник цветет, – говорили свадебные гости, сочувственно посмеиваясь.

А в его сердце расцветала любовь.

Он время от времени вспоминал, как эта любовь родилась, и как он первый раз увидел Настю на подворье церкви святого Юра во Львове. С того времени для него жизнь стала сплошной полосой света, запаха и музыки. И борьбы. Отец был не очень рад перспективе женитьбы сына на поповне. У него на примете для сына была богатая дочь своего торгового союзника. Да и семья Насти, принадлежавшая числу старых родов священнослужителей, с недовольством смотрела на свадьбу с сыном «лавочника». Его богатство им нравилось. А то, что он «лавочник», отпугивало. Но в конце концов как-то договорились.

Как же далеко было молодому Стефану до города, что уже виднелся впереди, и до небольшого дома на берегу тихой Липы около церковки святого Духа!

А там ждали их, ибо к свадьбе все было готово. Свадебные гости уже съехались, стоял шум и от молодежи, и от старших.

Брат хозяина о. Иоанн Лисовский дольше всех противился замужеству Насти со Стефаном. Ведь между церковью св. Юра и семей Дропанов шло долгое судебное разбирательство по поводу какого-то куска земли, и о. Иоанн не очень хорошо относился к старому Дропану. И теперь он выехал поскорее из Львова, чтобы не ехать вместе с «безбожным торгашом», который затеял тяжбу с домом Божиим. И, кроме того, он устроил еще один демарш – он хотел быть на венчании своей племянницы. Но не хотел, чтобы старый Дропан кичился тем, что он, о. Иоанн, приехал специально на эту свадьбу! Для этого он выискал себе какие-то церковные дела у львовского владыки в Каменец-Подольском, чтобы как будто только по дороге заехать на свадьбу племянницы. Весть об этом он распространил еще во Львове.

Теперь он сидел со своим братом и с игуменом недалеко-го василянского монастыря в Черниче, о. Теодозием, в саду около приходского дома, за деревянным столиком в тени лип. Перед ними стояли три глиняных горшочка, кувшинчик кислого молока, хлеб и масло.

– Ешь и рассказывай, что нового, – говорил ему о. Лука. – Да с чего начинать? – сокрушался о. Иоанн.

– С дел нашей церкви, – важно ответил игумен Теодозий.

– А как же, – ответил о. Иоанн.

Секунду подумал, взял кусок ржаного хлеба, намазал маслом и, положив его снова на деревянную тарелку, начал:

– Нашу святую церковь вконец разорили и доконали латинские иерархи, что верховодят ею. – И не удержался от того, чтобы не добавить: – А наши торгаши еще и себе от нее урывают.

– И врата ада не одолеют ее, – заметил набожно игумен Теодозий.

– Да, да, – ответил о. Иоанн. – Но чем дальше, тем тяжелее дышится. Гордыню, похоть, сребролюбие, чревоугодие и пьянство – все без исключения главные грехи мы видим у других. А между тем, они овладели нашей церковью. И Господь не выводит ее из-под чужого ярма!..

Львовский священник горько усмехнулся. На это о. Теодозий ответил:

– Ведь и мы не без греха. В особенности нас разрушает один главный грех. Это лень. Его нам и выпало искупать. Походил я по миру, среди чужестранцев, был в Иерусалиме, и в Антиохии, и на святой горе Афонской. Но нигде не видел, чтобы люди так мало прикасались к книгам, как наши. Вот потому они и не умеют защищать свою церковь от нападок врагов.

– Ты все свое, отец игумен, – заметил о. Лука. – А я тебе не раз говорил и теперь скажу, что оно и так, и не так.

Где взять эти книги? И на что купить? А? На что? Да к тому же женатому священнику и при такой дороговизне как сейчас! Церковные земли заграбастали старосты и ксендзы. Татарские набеги вздохнуть не дают. И никто из-за них не беспокоится. В этом году не было их еще, но слухи уже идут. Крестьяне разорены и нищают все больше и больше. Мещане тоже – шляхта берет торговлю в свои руки, хоть и кричит, что «не благородное это дело». А наших священников тут, то там даже на панщину гонят! И как им до книг дотянуться?

Настало неловкое молчание. Отец Иоанн, что должен был ехать в Каменец, забеспокоился, услышав про опасность. Но подумал, что его брат, знай он больше об этом, сообщил бы ему перед отъездом.

А о. Лука перевел дух и продолжил:

– Вот возьмем, к примеру, меня! Говорят, что я выдаю дочь за богача. Но не могу же я ее отдать голой. Сколько стоит мне эта свадьба? Локоть атласа – 20 грошей, а фаландаш – 35. И во что ее одевать? На какие средства?

Снова помолчал и продолжил, ибо от своего брата и от своего приятеля игумена ничего никогда не скрывал:

– Сколько же стоит свадьба! Даже плохая щука стоит 2 гроша, карп – еще больше, гарнец вина – 40 грошей, фунт шафрана – 70, голова сахара – 150, а кусок перца – 300! А где байберк, а брокатовые кафтаны, а киндяк, а чинкаторы? Ведь мы с женой должны завтра хоть как-то выглядеть

на людях. А у вас, отче игумен, только ряса, вот вы об этом и не беспокоитесь!

– Что-то ты как лавочник заговорил, – заметил брат. – Неужели так быстро на тебя подействовала новая родня?

– Извините, – сказал о. Лука. – Но если бы вам жена только и говорила бы целый месяц про то, как ей нужны аддамашки и фаландаши, то и у вас бы так на душе накипело, что пришлось перед кем-то высказаться!

– Вот и благодари Бога, что только одну дочь имеешь, да и той лишишься завтра, – сказал брат.

– Как же! Благодарю, – ответил о. Лука.

– Но чего же ты так рвался спровадить ее замуж за такого жалкого жениха? Чтобы беду накликкала, как отец кличет?

На это игумен ответил:

– Ну, не обессудьте, но я вам правду скажу! Не будь у нас семей и тревог из-за свадьбы и приданого, фаландаша, байберка и всей этой мирской суеты, – то и борьбу с латинством мы выдержали бы! А земли наша церковь еще от князей и народа столько получила, что ее нам хватит даже через сотню лет, сколько бы ни отбирали. Не в том дело! У нас для борьбы с латинством нет оружия, которое у него есть. Как есть, правду говорю, но вы ее видеть не хотите!

Тут игумен обратился к хозяину дома и с сожалением сказал:

– Да ниспошлет Бог счастье чаду твоему на пути его. Но не является ли монашество для нее более богогодным

делом? Ох и пригодилась бы она нашей опальной церкви! Ведь у нее хороший ум. А вы даете ее тому, кто вам противен! Мало у нас монахинь из священнических и панских родов. А у ляхов даже для магнатов великая честь, если из их рода некая панночка идет в монастырь. Вот чем они нас побивают! И народ их почитает их костел, ибо видит это почтение в верхах. А мы к мирским наслаждениям как мухи к патоке липнем! Вот такая же доля нас в этих наслаждениях и ждет. Горечью оборачивается мирское наслаждение. Трухлявеет наша сила, и народ наш чахнет, а спасения не видно!

Ситуация сложилась очень неловкая. Но игумен не обращал на это ни малейшего внимания и продолжал дальше:

– Жертвовал народ церкви нашей, и так было, есть и будет! Однако редко так случается, что выпадает кому-то править тем добром, что народ дал! И народ это видит – еще не совсем ослеп. И не только наш народ, но и соседи это видят. Вот и берут что хотят. А как не брать? Сваливать всю вину на врагов – глупая песенка. Правда ведь в том, что и они бы примкнули к нашей церкви, если бы мы сами иначе заботились о ней. Вот она – правда! И не миновать нам божьей кары за то, что правду скрываем! Никто не минует этой кары. Придет, ибо мы не сегодня ее звать стали!

Брат о. Луки уже было открыл рот, чтобы ответить. Но тут перед воротами заскрипели возы Дропана, и свадебная компания начала выскакивать из них и направилась в сад.

Деревья в саду словно занялись огнем, будто красный пожар охватил сад и церковь св. Духа, которая и поныне стоит на том самом месте, и приходской дом при ней, и тихую ленту Липы, и большой пруд, и поля золотой зрелой пшеницы, что улыбались небу синими васильками и будто ждали серпа. Все присутствующие тревожно посмотрели на небо, опасаясь заката. Но он уже горел на Востоке.

В кровавом блеске умирающего дня приближался Стефан Дропан со своим счастьем в душе. Он живо искал глазами свою Настю. Нашел ее в саду, в компании с двумя подругами, очень заинтересованную какой-то беседой.

– О чем вы толкуете? – спросил он весело, подбегая к своей суженой.

– Не скажем! – ответила за нее ее подруга Ирина.

– Не можем сказать, – поправила ее Настя.

– Завтра узнаете! – добавила другая девушка.

– Да скажите, скажите, – просил мягким голосом Стефан.

Девушки поддались на просьбу.

Наконец Настя, переглянувшись со своими подругами, посвятила Стефана в тайну: Ирина пригласила цыганку-гадалку, чтобы перед свадьбой та предсказала ее будущее!

– Только отцу про это ни словечка, а то он очень рассердится! – сказала Настя.

Стефан пообещал молчать.

Церковь Святого Духа в Рогатине

* * *

Старый Дропан с женой по обычаю поздоровались с хозяевами:

– Господи! Как же обобрали нас по дороге! Всего десять миль проехали, а уплатили и мостовое, и перевозное, и пашенное, и ярмарочное, и торговое, и мерное, и за полные во-

зы, и за пустые. Налоги дерут так, что и под турком легче!

– Кто на свадьбу едет, не торгует, – не выдержал о. Иоанн, чтобы не уколоть старого Дропана. Но он не был из тех, что подставляют вторую щеку. Сразу ответил:

– Неизвестно, батюшка, что больше Господу угодно: ехать на свадьбу и по дороге дела обдeldывать, какие придется, или ехать по делам и по дороге заглядывать на свадьбу...

Почтительная жена Дропана с укоризной посмотрела на него, о. Лука усмехнулся, а о. Иоанн ничего не ответил.

Старших из числа свадебных гостей о. Лука пригласил отдохнуть пока в саду. А младшие исчезли. Первым пропал Стефан Дропан. Пошел искать Настю и поздороваться с ее матерью.

Отец Лука подошел к коням не только как хозяин, но и как знаток. В красивого коня любил всматриваться как в икону. А разбирался он в конях так, что хватало ему и одного взгляда, чтобы знать им цену и стоимость.

Молодой Стефан нашел Настю в кругу подруг, которые толпились на конце подворья около молодой цыганки, что хотела поворожить для невесты. Какая-то тетка Насти этому горячо сопротивлялась, говоря, что не годится так делать перед самой свадьбой. А Настя весело настаивала на своем, все повторяя:

– Тетенька! Но ведь Бозя сильна в гадании!

– Да, да! – подтянули за ней подруги, особенно ее приятельница Ирина. – Что Бозе дашь, то и будет!

Стефан засунул руку в карман и не глядя отсыпал гадалке горсть мелких монеток. Это решило дело. Настенька радостно кинулась к нему и взяла его за руку. А гадалка, которая в тот момент собирала часть монет, схватила ее за левую руку и начала на нее смотреть. Тетка уже не сопротивлялась, а только напряженно ждала.

Цыганка начала говорить ломаным языком, смотря то в лицо, то на ладонь Насте:

– Твой муж богатая, ох, какая богатая. Очень богатая!..

– Вот так нагадала! – сказала одна из подруг.

– Та это мы все знаем! – прибавила другая и глянула на Стефана.

Он опустил взгляд и весь зарделся. А цыганка говорила дальше:

– В жемчугах и фарарах ходить будешь... И адамашки у тебя под ногами будут, а огненный камень – у тебя в волосах, на ногах у тебя – белый шелк, а на руках – красная кровь... Ладан и кубеба в комнатах у тебя... И будет у тебя два сына, как у Евы... и две свадьбы, но один муж!..

– Ха-ха-ха! – засмеялись подруги.

– Тетенька, тетенька! Аж две свадьбы и один муж! Как же так?

Тетка Катерина ответила: «Вот вздор!» Подняла правую руку и степенно перекрестила их. Стефан все это время печалился, не зная, откуда ему взять столько богатства.

Цыганка смотрела до этого времени спокойно и будто

с наслаждением на белую настину белую ручку. Но теперь, будто встревоженная смехом девушек, прервавших ее гадание, стала очень важной и строгим голосом стала изрекать свои предсказания:

– Далекая дорога без мостов, без путей... По черныбыльнику, по твердым корням... По шалфею и ятрышнику... где сон-трава синее... где горит горчица... где ползет дурман и перекасти-поле... перекасти-пол-ле... перекастипол-л-ле!..

Остановилась, будто в экстазе, захлебываясь, как от воды, и бросилась на землю собирать остатки рассыпавшихся монет. Потом глянула глубоко в глаза невесты, даже не обратив внимания на Стефана, и поспешно отошла. Оглянулась еще несколько раз на Настю и исчезла за воротами.

Всем тем, кто остался, после ее ухода стало как-то не по себе. Старая тетка Катерина заговорила:

– Так, дети, всегда гадают девушкам перед венчанием, что будут они и богатыми, и бедными, что поедут по дороге в далекий путь, что будут сыновья, что будет и весело и грустно, вот как в жизни бывает.

Настя в ответ усмехнулась и запела:

Протоптана дороженька,
Посыпана песком!
Но будет ли мне любо
С этим пареньком?..

И немного подалась к Стефану. Ее веселье передалось

и ему. Лицо его прояснилось и он ей весело ответил:

Протоптана дороженька,
Лежит через болота!
А кто протаптывал ее,
Чья это забота?

– Твоя, ты, ты! – сказала ласково Настя и повела его к матери. За ними цветастым потоком ринулась в комнаты молодежь, ведь наступала ночь.

* * *

Это должна была быть последняя ночь Насти в ее родном доме и – одна из последних на родной земле.

Она это словно слышала это. И как-то внимательно оглядывала свою скромную девичью комнату, одинокое окно которой выходило на луг над Липой. Оглядела снова свой свадебный наряд и свои вещи, что должна была взять во Львов. Некоторые отложила, чтобы забрать их уже в следующий приезд в Рогатин. Среди них были и две повести, которые она перечитала самое меньшее раз двадцать: «Повесть о Китоврасе» и «Повесть дивная о царе Соломоне».

Легла поздно, да и то лишь подремала. И снилось ей, что кто-то поет урывками свадебные песни:

Благослови, Боженька,

Первую дороженьку!
И за цветиком цветок
Настеньке сошьем венок...
Зелень уродилась
Тонкая, высокая,
Листьями широкая...

Хотя Настя была удачливой, этот переломный момент в ее жизни настроил ее на такой серьезный лад, что встала она как в тумане. Какая-то непонятная дрожь от роскоши и страха, чудной боязни перед чем-то неведомым наполняла все ее естество. Движение свадебных гостей еще больше ее беспокоило.

Успокоилась она перед самым выходом из дома к церкви, когда уже полностью была одета к венчанию.

Венчать молодых должен был о. Иоанн, настин дядя из Львова.

Было уже за полдень, когда все вышли из дома и направились к церкви Св. Духа.

В ту минуту, когда Настя с подружками первой встала на деревянные сходни церкви, случилось что-то страшное. Сначала никто из участников свадьбы не понимал, в чем дело.

Они только слышали крики.

Все забеспокоились и заметались. И начали инстинктивно искать место для укрытия. Потом кто-то закричал:

– Татары идут!

– Алла-ху! – прозвучали дикие крики уже на улице

и по сторонам от нее.

Свадьба вмиг разлетелась в страшном беспорядке. Каждый бежал куда мог. Кто в сад, кто за дома, кто в запруды реки Липы, что была неподалеку.

Настенька отпрянула от дружек и схватилась за своего суженого. Мгновение оба стояли перед будто бы осветившейся церковью словно задеревеневшие. Они пустились, было бежать внутрь, как бы под защиту святого Духа.

А потом побежали в сад.

Но улица была уже заполнена татарскими наездниками. Они с диким криком неслись вперед. Густые гривы их некрасивых коней, «бакематов», свисали до земли. Множество свадебных гостей уже попало им в арканы. На краю сада тоже виднелись татары, что преследовали людей поодиночке, то верхом, то пешком. Рев скотины раздавался по всем окрестностям. Тут и там полыхал пожар. Это горели ограбленные татарами дома в предместьях Рогатина.

Город еще не был захвачен. Там готовились к обороне. Слышались трубы и колокольный звон, словно начался пожар.

Настю охватил ужас и она, обомлев, в своем белом платье и с венком на голове упала на пыльной дороге. А Стефан лег рядом с ней...

И свет померк для обоих.

II. Ой битым шляхом кильимским, ой диким полем ордынским...

*Там в долине огни горят,
Там татары полон делят...
Один полон с жинками,
Другой полон – с девками...*

Из народной песни

Настя почувствовала, как ее окатили студеной водой. Проснулась и открыла глаза.

В первые секунды она не понимала совсем, где она и что с ней происходит. Над ней склонились две фигуры с черными раскосыми глазами, мелкими усами и выступающими скулами, в острых шапках, с луками за плечами, в черных кожах, вывернутых шерстью наружу. Какой-то удивительный, всеохватывающий страх и неприязнь разлились во всем ее теле, затуманили взгляд, сдавили горло, утяжелили дыхание.

Первой ее мыслью была мысль о том, что она – татарская пленница и что эти полудикие фигуры темными желтоватыми лицами могут с ней сделать что угодно.

Она отвела от них взгляд. Теперь увидела, что лежала на какой-то леваде, недалеко от леса. А около нее лежало

или дремало в отупении множество молодых женщин и девушек. Среди них она узнала несколько знакомых мещанок. Своей подруги Ирины из Рогатина она не видела. Неподалеку лежали и сидели мужчины, связанные прочными веревками и ремнями. Сразу она увидела своего Стефана. Он всматривался в толпу пленниц. Она чувствовала, что он ищет ее взглядом.

В то же время она думала о судьбе своего отца, своей матери и своих подруг со всей свадьбой... Впечатление было такое, что она разбилась как стекло. Исчезла как сон.

Рогатина тоже не было видно. И он исчез как сон. Что будет с ней?

Эта мысль разгорелась в ее головке как пожар, что обрушивается на крыши домов с первыми лучами нового дня.

Татары ходили между пленными, хозяйничали, тут и там нанося удары батогами. Стоны и крики наполняли воздух. Настю успокаивало то, что немногие из ее друзей и подруг подверглись этому несчастью.

* * *

Вечерело. Ночь затягивалась нежной дымкой таинственной грусти. В корягах неподалеку засияли мягким сиянием свято-ивановские светлячки. Они свободно летали и светились. А где-то далеко полыхал пожар.

Татары разожгли большие костры. Видно, были они они

многочисленны и чувствовали себя в безопасности. Говорили про это и многочисленные пленные, которых они собрали. Среди них были в основном свадебные пары с друзьями и свидетелями. Сейчас их делили между собой. Настя не понимала правил этого раздела. Видела только, что он происходит случайно.

По небу начали пролетать падающие звезды, метеоры. Пролетали волнами, как течет дождь. Она все время просила для себя одного: жить, жить, жить! Ведь мир вокруг был красивым, красивым! А она еще была так молода!..

Три вида света, что сияли на земле и небе, придавали ее первой невольничьей ночи какую-то таинственную красоту. А грозные и дикие татарские лица с раскосыми глазами и в острых шапках вызывали грозу неведомого ей роскошного ужаса. В зарослях слышались крики женщин и девушек, над которыми глумились дикари. Только сейчас поняла Настя смысл проклятия, слышанного ей на базаре при ссоре: «Чтоб тебе на Диком поле ордынском слюбилось!..» И поняла, что есть счастье в несчастье: ведь ей не грозила эта участь, так как татары уже обратили на нее внимание и оставили как более ценную добычу в покое.

* * *

Утром с восходом солнца двинулся татарский табор вместе с пленниками на восток. Пленные мужчины шли связан-

ными, а женщины – только под сильной стражей. Изнемогших от страха женщин, которые не могли идти, закидывали в черные обозные возы и везли. Обессилевших мужчин убивали на месте. Поэтому каждый, напрягая последние силы, старался идти пока мог.

Настя шла пешком с молодыми девушками. Шла в своем подвенечном платье. Только веночек где-то потеряла. Ранняя молитва успокоила ее. Если бы не голод и грустные лица товарок, она была бы даже весела.

За спиной она слышала фыркание коней татарской стражи, которая время от времени подъезжала со стороны и приглядывалась к девушкам. При этом громко делала почти про каждую из них разные замечания, которые Настя не понимала. Особенно внимательно оглядывала стража пленных девушек, когда к ней приближался какой-нибудь турок.

У Насти среди пленниц было чуть ли не самое спокойное лицо. Видно, это вызывало к ней уважение даже со стороны дикой стражи, которая показывая на нее ременными нагайками, часто повторяя: «Хюррем!»

Она догадалась, что «Хюррем» значит: или спокойная, или безмятежная, или веселая. Не знала только, по-татарски ли это или по-турецки.

И это было первое слово языка разбойных торговцев живым товаром, которое она себе усвоила.

Татары весьма часто останавливались на небольшое время и слезали с коней, чтобы дать им отдохнуть и перекусить.

Так же ждали стада угнанной скотины и отары овец, чтобы табор не слишком растягивался. Тогда отдыхали и пленные.

* * *

Около полудня, когда жара была уже сильной, татары устроили выпас подольше. Приготовились к обеду. Насте было очень интересно, как будет выглядеть первый татарский обед. Уже при готовке она поняла, что пленные мужчины не получают еды. Еда была только для женщин. Она хотела покормить Стефана, но не знала как.

А татары раскладывали свои казаны и разводили огонь. Доставали из возов награбленную муку и мешали ее с конской кровью, как для колбаски, и кидали их в кипящую воду. Показывали пленницам, как это делается, и какое-то их число принудили к работе. Смеясь, они выбирали невест в свадебных нарядах. Среди них оказалась и Настя, и одна полячка из шляхты, которую из-за ее красивого платья татары тоже приняли за «невесту». Она сразу уперлась. Но после трех ременных нагаек начала терпеливо замешивать муку с кровью.

Вдалеке раздался крик. Там упала какая-то лошадь и сдохла. Татары с радостным криком кинулись на нее и начали резать ножами. Всю падаль, кроме мясистого конского крупа, сразу кинули вариться в соленую воду. Снимать пену запрещали. А круп порезали на большие круги и положили

под седла. Насте становилось дурно от такой готовки, но еще больше – от мысли, что с этими людьми ей придется жить, и кто знает – как и как долго! Несмотря на голод, она не могла и прикоснуться к их еде. А татары смачно поедали падаль и колбаски из конской крови и муки.

Немногие из пленниц поели. Татары смеялись над теми, что не поели, а значит, не понимали, в чем соль. Среди хохота густо раздавались удары батогов, будто «в шутку».

После отдыха табор двинулся дальше.

* * *

На следующий день Настя тоже не могла положить себе в рот татарские яства. Пила только воду. И так ослабла, что уже не могла идти. Но боялась, что подумают, будто она претворяется. Поэтому из последних сил держалась на ногах.

А под вечер упала – в степях Панталихи. Словно сговорившись, с ней падали в то же время на пути и другие пленницы. Жара в степи стояла еще не слишком сильная.

Татары остановились...

Настя в полуобмороке слышала, как ей дали несколько порядочных батогов, как ее подняли и положили в какой-то воз на твердые доски. Должно быть, сразу подумали, что претворяется. Батоги из сырой лозы били очень больно. Она выла и корчилась наносимыми ими ударами, а жесткие доски усугубляли страдания. Только под головой она почувствова-

ла что-то мягкое, правда в рубцах. Через разодранные свадебные сапожки она дотронулась до какой-то другой твердой материи. В горячке ей казалось, что это ризы из церкви св. Духа. Что-то красное и горячее заливало ей глаза. Настя хотела от всего этого избавиться и еле открыла глаза.

И увидела такое, о чем ни в одной песне не пелось:

Одну взяли на коня,
Привязали на ремне...
К возу – другую взяли,
На веревке привязали...
Третью положили в черный воз...

Она ехала в скрипучей черной повозке. Ей казалось, что это гроб. И что в этом черном гробу хоронят все ее ясное девичье прошлое.

Она упала в обморок. Но еще чувствовала боль от ударов татарских батонов по ее нежному телу. И она вспомнила, как тяжело заболела несколько лет тому назад. Как и тогда голова и все тело у нее горело, словно от ударов. И мать ее молилась на коленях перед образом распятия и обещала единственную дочь отдать в монахини, если та выздоровеет. Потом вспомнила она, как мать противилась, когда Стефан добивался ее руки, как вспоминала свою клятву.

Кровь ударила ей в голову.

Теперь она уже знала, что если бы она послушалась мать, то не пошла бы по страшному ордынскому шляху. Ведь да-

же дикие татары уважали монахинь и почтительно уступали им дорогу, называя их «девицами чудесного Пророка гяуров, погибшего на кресте». Монахини могли свободно ходить в расположения татар и даже брать с собой для пленных молоко татарских кобыл. Если бы она тогда послушала мать, шла бы сейчас спокойно через дикую татарскую орду с кувшином в руках. А татарские баши и аги в суеверном страхе уступали бы дорогу невесте «таинственного Бога гяуров, что погиб на кресте».

Настя тихо и горько заплакала – в черных татарских возах, ехавших Диким полем неизвестно куда в неизвестное будущее... Она задремала.

* * *

Как долго она дремала – неизвестно. Только чувствовала, что несколько раз плеснули ей на лицо водой. А еще поняла, что чьи-то руки, видимо женские, умыли ее с молоком.

Когда она наконец открыла глаза, то увидела вокруг безбрежную дикую равнину, покрытую полынью, чернобыльником и ковылем, изрезанную оврагами и ярами. Поняла она, что уже покинула галицкую землю с ее ухоженными полями, рощами и лесами. Что-то ей будто шепнуло:

«Покинула навсегда».

Гнетущая боль сдавила ей грудь и сердце защемило. Куда ни глянь – видела она кругом только опаленные солнцем

степные просторы, начинавшие уже желтеть от жары. Только в балках и около солончаков виднелись полоски какой-то сырой зелени.

Она больше чувствовала, чем понимала, что находится в Диком поле, на одном из ужасных татарских трактов.

Где она была точно, это ей было неизвестно.

Возможно, на Черном тракте.

Черный тракт известен также как Злой или Невидимый тракт. Черным он звался по ряду причин. Этим путем ходила черная беда – убийство, грабеж и черная смерть – чума. Веками по нему шли черные от грязи монгольские орды и почерневшие от лишений их пленники. И земля тут была черной, а татарские кони, стоптавшие траву, оставляли на ней черные следы.

Этот путь шел почти там же, где и сегодня идет торговый путь в Одессу. Туда когда-то давно шел сухопутный и военный путь староукраинских князей.

Обычно у татар было три дороги, по которым они шли, чтобы совершить набег на Украину с берегов Черного моря. Один путь шел валашским пограничьем, другой пролегал посреди Подолья, третий шел через Киевщину и Волынь. Все они сходились в Восточной Галиции. Ее сердца – Львова – пытались достичь все татарские набеги, которые словно потоки обрушивались через эти три тракта. Валашский шел до Львова через Бучач и Галич, подольский или кучманский – через Требовлю и Золочев, волынский сворачивал

на севере и шел на Львов через Сокаль и Жовкву. Идя с трех сторон, они пытались достичь одной цели – сердца Восточной Галиции, и впивались в окраину Львова как три кровавых меча в человеческое тело.

Каждый из этих путей народ и сейчас называет черным, по сей день оплакивая трагедии, которые разыгрывались на них.

С горы-горы, из темного леса
Татары идут, волынчанку везут...
У нее коса –
Золотые волоса,
Красный лес осветила,
Черную дорогу, зеленую дубраву...

В том же самом положении, что и волынчанка из на родной песни, находилась галичанка Настя.

* * *

Осознание того, что она сейчас на страшном татарском тракте, была для Насти чем-то еще более страшным, чем сам этот тракт, чем осознание того, что была она в руках у торговцев живым товаром. Она закрыла глаза.

Но любопытство мучило ее и понуждало снова открыть их и оглядеть страшную дорогу, по которой везли ее в неизвестные земли, в неизвестное будущее. Открыла глаза и дол-

го смотрела.

Это в общем не была ни дорога, ни тракт. Полоса степи, по которой продвигалась татарская конница, практически не отличалась от Дикого поля. Только иногда на той полосе встречался человеческий или конский скелет, еще реже – следы костра, а около них – раскиданные кости, глиняные черепки и человеческие черепа. Только далеко позади было видно чернеющую полосу земли, истоптанную копытами ордынских коней. Не понимала она, почему в песне пелось: «Ой битым шляхом килымским...» Ведь он был даже не «битым»... Разве что били его своими израненными ногами несчастные пленники и татарские кони некованым копытом.

Все шли татарские невольники, окруженные татарской стражей. Изнемогли, потемнели, едва держались на ногах. Насте казалось, что они больше не выдержат этого путешествия в однообразной степи, выжженной жарким солнцем до последней капли росы, как сердце до последней надежды.

Она посмотрела на свои ножки – не поранила ли их. Ведь, может, и дальше придется идти пешком... Только сейчас она заметила, что у нее остался только один сапожок, и тот разодранный. Должно быть, разували ее, но потом оставили. А может, при обувании оставили.

Необутая нога болела. Настя всмотрелась внимательнее. На ней была черная засохшая кровь...

И еще увидела, что в черных возах были в беспорядке на-

брошенные вещи, в основном женские, и разнообразные ткани, видно, награбленные. Она горько улыбнулась. Ей вспомнилось пророчество цыганки. Оно уже сбывалось, но совсем иначе. Ведь она и правда видела под ногами адамашки, но не было ни жемчуга, ни белого шелка. И кровь была не на руках, а на ногах...

Тревожно она искала на себе маленький серебряный крестик от матери, ибо боялась, что его забрали. Он был на месте. Она надела его набок. Как дорог он был ей теперь! Напоминание не только о матери, но и о том крае, который она покинула, – может, навсегда. Впервые в жизни она почувствовала настоящую близость того, кто умер на кресте в мучениях. Страдание приближало к нему. Кругом страдали бедные пленники, угнетенные, шедшие на свою Голгофу. Она крепко прижала крестик к себе и успокоилась. Этому кресту служил ее отец. Именем этого креста боролись в степях наши казаки с татарами. Какая-то неотчетливая надежда на помощь, на свободу начала проскальзывать в ее мыслях.

Она смотрела во все стороны, ища глазами Стефана. Но не могла его найти, хотя и охватила взглядом весь татарский обоз, который как большой черный уж тянулся по Дикому полю и блестел тут и там оружием своей стражи.

И вспомнились ей детские сказки о том, как страшные злодеи и чудовища похищают девиц и забирают с собой, а затем их освобождают отважные рыцари.

«Казаки! Казаки!» – закричало что-то в ее душе.

Она всмотрелась в дикую степь всей силой своего молодого зрения. И увидела далеко, где-то очень далеко ряды фигур, пробиравшихся к табору дико, как тени. Это не были татары. Она это сердцем почуяла. Какое-то безмерное сочувствие и любовь к ним засверкали в ее душе. Увидела она и конные разъезды – казацкие, точно казацкие! Она встрепенулась на черном возу и выгнула плечи, будто молясь чудотворному образу. Но раскаленный воздух так дрожал, что все кони казацких разъездов казались безногими. Да. Они ехали на безногих конях...

Настя поняла, что был мираж в степной пустыне, которые часто видят на диких полях Украины.

Она упала на воз...

Отвернулась от материи, на которой отдыхала, и соленые слезы жемчугом покатались из ее глаз. Их исторгла ложная надежда. Она пыталась погасить в себе обиду. Но не могла.

А в это время далеко, на Галицкой земле, в Рогатине, занемогшая мать Насти, убитая горем, на секунду задремала рядом с раненым отцом. И ей приснился чудный полуденный сон.

Снилось, что ее единственная дочь Настя идет «Черным шляхом кильимским и Диким полем ордынским»... Идет в своем легком белом подвенечном платье... зеленый веночек потеряла где-то в степи... Идет среди диких коней-бакематов, идет под батогами диких татар... Идет среди жары по степному бездорожью... а пот соленый заливаает ей глаза,

течет на лицо... И вот уже желтеет ее девичье личико и темнеют синие как воды глаза... А красная кровь течет с ее ножек на жесткие корни, на степной дурман подает каплями...

Настина мать с плачем пробудилась и поплелась со своим страшным горем в церковь св. Духа, чтобы всей душой попросить у Богоматери опеку над своей Настенькой.

А в это самое время далеко от нее «на Черном шляхе кильимском, на Диком поле ордынском» молоденькая Настя сердцем чувствовала материнскую печаль, мысленно целовала ее, давила в себе тоску. Но не могла подавить.

И плач потряс ее, как нахальный ветер яблоню в саду над Липой, около церкви св. Духа... Наплакавшись, она тяжело вздохнула и успокоилась.

* * *

На одном из постоев заметила Настя какой-то переполох среди татарской стражи. Их командиры раз за разом собирались посовещаться, спорили друг с другом, посылали гонцов. Вечером не развели костры, хотя и были уже далеко в степи. Видимо, татары почуяли опасность.

При этой мысли глаза Насти радостно заблестели, а в сердце загорелась новая надежда. Надежда на свободу.

Настала ночь, а Настя не могла заснуть. Ведь весь лагерь не спал. Что-то было в воздухе, веяло ожиданием. Задремала к полуночи, когда Коромысло (созвездие Орион) уже высоко

поднялось на небо.

Как долго она дремала – не ясно. Разбудил ее топот копыт и страшный крик. Палатки татарского табора с одного его края занялись ярким огнем. В его блеске она увидела несколько небольших казацких отрядов, стремительно ворвавшихся в расположение татар. Узнала казаков по их лицам, шапкам и чубам. Тех, что в хаосе боя остались без шапок. Сердце забилося так, что грудь чуть не лопнула.

Среди пленников пошло волнение. Казаки шли как раз к той части табора, где содержались пленные. Вот уже добрались до мужчин. Вот уже часть из них присоединилась к казакам. Послышались возгласы на родном языке: «Режь, бей бусурман!»

Среди пленных она будто бы заметила и своего Стефана, который пошел против татар с оглоблей. Ее сердце билось как птица в клетке. Она уже видела, как возвращается домой, как закончится прерванная свадьба, и как сбудутся слова гадалки про две свадьбы и одного мужа.

Все пленницы с замиранием сердца смотрели за этой борьбой. Пленные девушки и женщины сидели тихо, как перепуганные птицы, над которыми бьются коршуны. Только иногда одна из них, посмелее, подавалась в степь среди замешательства и, ведомая инстинктом, бежала туда, откуда пришли казаки. Настя, сокрушаясь, смотрела на раненую ногу.

Татары отчаянно дрались. Особенно в той части табора, в которой находились пленницы.

Теперь у Насти закололо в сердце. Казаки начали отступать. Она еще не поняла, что случилось. Словно боль и досада сковали ей сердце крещами. Неужели ее не освободят? Неужели Стефан покинет ее?

Казаки и с ними часть пленных были уже вне пределов табора. Видимо, поспешно отходили. Отчего-то татары за ними не гнались. Она не могла понять, в чем была причина.

Как только казацкие отряды начали исчезать в блеске догорающих шатров, она увидела, как издалека показалось множество татарских всадников.

Теперь и значительная часть татарской стражи кинулась в погоню за беглецами.

Как черные змеи темнели в степи татарские отряды.

Казаков уже не было видно.

«Спаси их Боже!» – подумала Настя и хотела было помолиться за них. Но ее внимание привлекли крики. Это оставшаяся на месте часть стражи добивала раненых казаков и часть пленников, выкалывая им перед смертью глаза и всячески издеваясь над ними.

Так и закончился посреди украинского Дикого поля один из тех бесчисленных и страшных эпизодов, резня, в которой никто с испокон веков не просит и не дает пощады. А кровавые степи Запорожья снова спокойно колыхались в ранней мгле, такие здоровые и свежие, что казалось, будто их только что сотворила рука Господня.

Настенька, в своей глубоко религиозной душе, все вре-

мя искала ответа на вопрос, почему Бог дал ей заранее, за несколько дней, знать о казацких отрядах, перенесенных на много миль пустынным миражом, но при этом не дал ей свободу. Думала и не находила ответа.

И еще одного не могла понять – почему дети ее земли попадали в неволю, хотя они ростом и силой превосходили татар. Почему не они берут татар в плен, а татары их.

* * *

С восходом солнца табор двинулся в путь. Свист нагаек и крики пленников не умолкали. Но женщин не били. Только сейчас им дали даже сносную пищу – ячмень, просо, гречневую кашу, приправленную конским жиром.

Настя поняла, что их кормят уже как свою собственность, которая имеет большую цену при торге, если хорошо выглядит.

Она уже чувствовала в сердце, что не вырвется из неволи. И начала спокойно присматриваться к своим приземистым хозяевам, с толстыми животами, широкими плечами, короткими шеями и большими головами, черными узкими глазами, короткими носами, мелкими ртами и черным как смоль, грубым, словно конская грива, волосом.

Поняла она, что ей придется стать рабыней, или, может, женщиной одного из этих грязных существ, про которых еще давно ей говорила бабушка, что они родятся слепыми как со-

баки.

Она подавляла в себе омерзение и смотрела в неведомую даль. А ее губы шептали молитву Богоматери.

Татары все дальше уходили в безбрежные степи на юго-восток. Чем дальше продвигались, тем свободнее себя чувствовали и тем медленнее ехали. Но по мере того, как они приближались к своим аулам, они все чаще третировали своих пленниц, чтобы запугать их окончательно и лишить остатков воли.

Как только кто-то из обессиливших на возах приходил в себя, ее сразу ссаживали, привязывали за шею веревкой и заставляли так идти около воза. С более выносливыми, что могли проявить и больше силы воли, обходились еще более дико: их гнали привязанными на ремнях за шею и подмышки к коням.

Но не сказали мы про следующий сон матери про судьбу ее дочки!.. Когда и она пришла немного в себя, то тоже должна была идти два дня привязанной на веревке к черному возу, а иногда ее тянули и привязанной к коню. Под свист батога и хохот ордынцев.

Так их и мучали по очереди, всех – не различая ни рода, ни веры, ни языка, всех, кого родила наша прекрасная земля, жители которой не могли обороняться из-за ссор и междоусобиц.

В одних эти издевательства разжигали искру ненависти, и они дурнели в душе и в лице. Настя была не из их числа.

На татарских ремнях она вспоминала, что не только мать, но и сама она, болея, обещала посвятить себя Богу. А потом, когда прошла болезнь, забыла свою клятву и нашла себе земного суженого. Так что свои страдания она считала карой за нарушение обета. Не жалуясь, бежала она за ордынскими конями. А страдания, которым она подверглась и которые спокойно переносила, придавали ее лицу, и без того красивому, еще большее вдохновение. Лицо ее приобрело одновременно нежное и отважное выражение, а взгляд от боли стал глубже. Ее дух рос и крепчал в успокоении, как это и бывает у всякого, кто несет свой крест с мыслью про Бога и очищение.

Татары знали на деле, сколько может выдержать каждый сорт живого товара. Для этого, конечно, не следовало перегибать палку, ведь «товар» сулил им богатство.

Но все оставшиеся в живых жертвы, пока не дошли до Крыма, несколько раз впадали в жар. К их числу принадлежала и Настя.

Она молитвой умирала свою боль. В своем воображении она видела, будто утром, церковь св. Духа в Рогатине, или кафедры св. Юра во Львове, впервые увидела своего Стефана.

Но со временем жар из-за степного зноя и пыток доводил ее до бреда и она ложилась прямо на твердую землю, чтобы отдохнуть. Тогда ее начинал неотступно преследовать призрак Черного шляха, хотя она и закрывала глаза. В ее воображении по этому тракту шла черная смерть, чума. Она бы-

ла высокой, до туч, вся черная, как бархат, с черной косой на белом костяном черенке в руке. Шла степями Запорожья и смеялась, шла с восхода солнца...

Настя уже свыклась с мыслью про все – даже про черную смерть на Черном шляхе.

В это время ее Стефану удалось в суматохе присоединиться к одному казацкому отряду. Вскоре он добрался до Каменец-Подольского, где у его отца были товарищи.

Вскоре с одним из них он пошел в монастырь тринитариев, которые занимались выкупом из плена. Там какой-то польский монах с набожным видом заявил ему, что если он примет польскую веру, то получит помощь при выкупе своей суженой. Но как-только услышал от спутника Стефана, что его отца зовут Дропан, сразу смягчился и стал рассчитывать деньги для выкупа. Дропан был известен богатством.

Молодой Стефан любил Настю. Но он любил и свою церковь, хоть она и находилась в приниженном положении. Может, оттого он и чувствовал так резко ее слабость при сравнении с костелом. Он не понимал ни причин ее слабости, ни причин силы католиков, хотя и видел мощь организации латинских священников, их вездесущность и цепкую связь их взаимной поддержки.

Как каждая сильная и благородная натура, Стефан не поддавался бы ни на какие обещания, знай даже, что они точно исполнятся, если ценой их было забвение своей веры. На предложение чужого монаха не ответил ни слова, хотя и сожалел,

что родная церковь не имела ордена наподобие тринитариев. Товарищ отца отвечал за него:

– Это сын Дропана, львовского купца. Ни он, ни его отец не хотят даром получать ваш труд.

Теперь и чужой монах не ответил ничего, только дальше продолжил высчитывать приблизительную сумму выкупа.

Выйдя из монастыря тринитариев, Стефан пошел отблагодарить Бога – в свою церковь около рынка в Каменце. Долго он молился, стоя на коленях на ее каменных плитах.

А когда вышел, увидел подругу Насти – Ирину, которой тоже удалось сбежать во время боя. Хоть и с другим отрядом казаков. Она была очень утомленной и отощавшей. Вместе они поехали домой.

III. В краю татарских аулов

А у Насти начался такой сильный жар, что она чуть не потеряла сознание, когда на татарском кожаном мешке, набитом сеном, ее переправляли через Днепр около Тавани.

Ох и далеко еще от Тавани до Перекопа. А особенно далеко для того, кто должен идти пешком с веревкой на шее, как невольник.

За Таванью уже начались татарские аулы. Но они были тут еще настолько редкими и подвижными, а Настя была так утомлена, что между Днепром и Перекопом она не заметила никаких аулов, хоть и слышала, как татары часто повторяли слово «аул» и уже за несколько недель путешествия с ними понимала, что это значит. Она рассчитывала на то, что они вот уже вышли к их подвижным «поселениям», если проще – постоям. Словно обманчивые призраки пустыни исчезли куда-то аулы на пространстве от Тавани до Перекопа, точно фата-моргана.

Может, и теперь еще татары боялись чего-то в той области и переместили свои аулы за перешеек в Крым. А может, Настя просто ничего не заметила из-за тяжелого переутомления.

С незапамятных времен двигались по степям, словно загадочные тучи, разные завоеватели, племена, орды и ватаги разбойников, имена которых не знает история. Одни выры-

вали у других добычу в кровавой борьбе. И исчезали с ней в неизвестности бездорожной степи, опаленной солнцем.

Единственное исключение в этом хаотичном пространстве, наводненном грабителями, составляли дальние окраины степи, приморское побережье, прежде всего – Крым. В его городах держалась хрупкая культура древних греков, которая без остановки боролась с дикой и страшной степью, чьи мутные волны раз за разом обрушивались на нее.

В ту эпоху в Крыму засела татарская власть. Засела как грязное въевшееся пятно на драгоценной, сломанной, запыленной реликвии. Но эту грязь процарапывали постоянно то внутренние междоусобицы, то ногайцы, то казаки, то безымянные банды всякого сброда, который шел за добычей через Перекоп – до самого Крыма.

Перекоп был тем руслом, по которому текли навстречу друг другу два враждебных потока захватчиков: один, многочисленный, открыто шел из Крыма на Украину, другой – из Украины – незаметно, небольшими, но отчаянными отрядами – в Крым. Оба потока шли с огнем и мечом, оба проливали кровь и сеяли разрушения.

Перекоп был опасным местом. Поэтому татарский отряд с большой добычей остановился переночевать в степи, а утром приблизиться к морю, оттуда же через Перекоп попать в Крым.

Татары устроили ночлег. Вечер в степи был очень красивым, хотя сама степь была мертвой. Она создавала впечат-

ление мертвого, около которого текла жизнь. Зайцы скакали вдалеке. Птицы летали. Где-то дрофа длинными рядами пролетала низко над степью. А там высоко в воздухе кружили орлы, и соколы, и множество ястребов.

Настя смотрела на все это и завидовала каждой птице, которая может лететь куда угодно.

* * *

Ранним утром татары приблизились к Черному морю. Настя еще никогда в жизни моря не видела. Ей было очень интересно узнать, как оно выглядит.

Здесь, около Перекопа, она вспомнила, что бабушка ей рассказывала про море:

«На море, – говорила она, – рыба не такая как у нас, а большая-пребольшая! Выплывает такая рыба, подберется к берегу и все поет себе. Никто ее послушать не может, потому, что она все время уплывает. Но нашелся один такой, что очень хотел послушать. Скрылся за корягой. А рыба и не заметила, подплыла и затянула... А он знай себе записывает из каждой песни по слову, чтобы не забыть. Пришел еще раз и еще больше узнал. Потом пустил песни среди людей. Вот откуда они взялись».

Больше ничего Настя про море и не знала. Но даже сказка так распалила ее молодое воображение, что сердце в груди забилось чаще.

Табор потихоньку двигался. Теперь подул приятный холодный ветер с юга и всех до глубины тронул возглас на татарском: «Денгис! Денгис!»

«Море! Море!» – прошептали одновременно запекшиеся губы пленников. Ведь море у каждого оставляет глубокие впечатления, свободен он или закован в цепи. Поэтому все оживились, хотя еще и не видели, лишь чувствовали близость этого великана.

Вскоре перед их глазами простерлась длинная, ровная поверхность воды в раннем красном зареве дня. Все вздохнули так, будто должна была кончиться их мука.

Вскоре увидела Настя длинную, белую от пены полосу морского прилива и услышала его громкий, оживленный шум. И побежала молодым взором по бескрайней живой поверхности моря – роскошью, в которой было чувство открытия чего-то совершенно нового. В ней были и сказки детства. Она стала высматривать волшебных рыб, у которых люди переняли песни. Но их не было видно. Только белогрудые чайки летали над морем и радостно кричали, встречая солнце.

* * *

На Перекопе было тихо. Табор перебрался через бедное селение Ор и оказался в Крыму, где впервые отдохнул в безопасности. Вдалеке виднелись бедные аулы крымских татар с массой овец на пастбищах. Со стройных башен деревян-

ных минаретов муэдзины оглашали свои молитвы. Настя тоже помолилась Богу. Своему – тому, что терпел на кресте.

Уже на следующий день стали приходиться в табор купеческие делегации в разнообразных одеяниях – татарских, турецких, греческих, еврейских, арабских и итальянских. Среди них были и старики, и юноши, и зрелые люди, и важные, и веселые. Они низко кланялись татарским начальникам и просили разрешения осмотреть «живой товар».

Татарская стража сопровождала их при проходе между рядами смущенных женщин и девушек, которые понимали, что их готовят к продаже.

Раздел добычи между татарами еще не был завершен. Но купцы уже сейчас хотели высмотреть тех женщин и девушек, что им особенно понравятся.

IV. В Крыму

*Зеленью убрался Крым,
Лесом в синих горах,
Цветы в поймах Чатыр-Дага
Словно на коврах...*

– «Открой глаза и смотри. Что увидел сейчас, больше никогда не увидишь!»

С этими словами из Корана обратился старый турок, купец Ибрагим, к своему армянскому товарищу в Бахчисарае, приведя к нему только что купленную невольницу.

Старый армянин посмотрел на свежий товар, и его глаза весело заблестели.

– Вай, вай, – сказал он, извиваясь. – Ты, видно, заплатил столько, что можно было бы купить дом в Кафе, у самой пристани!

– О, я заплатил много, – сказал Ибрагим, – но оно того стоит!

– Что стоит? Сколько стоит? За что? Что на ней? Едва на ногах держится! Кому ее продадим? Я думал, что ты купишь хотя бы три-четыре здоровых девки за деньги, которые ты взял!

– Слушай! – ответил спокойно старый Ибрагим и снял по-

крывало с молодой девушки, что сторала со стыда, держа ее за руки. – Ты только посмотри! Она так красива, что я советую как можно скорее вывезти ее из Бахчисарая в Кафу. Там укроем ее среди других – легче будет переждать с ней до времени. А тут просто заберет ее кто-нибудь из сыновей Мехмед-Гирея, а даст как за выеденное яйцо.

– Никто за нее много не даст! Она больна!

– Не носи ерунду! Сам бы себе в гарем ее взял – была бы утеха на старости лет. Но это слишком дорогой товар! Да и не больна она вовсе – просто утомилась по дороге от татарских пыток. А ты бы не утомился, гоняй тебя столько недель на ремнях как коня?

Старый армянин все знал, но спорил по старому торговому обычаю. Вдруг он сказал:

– Может, ее спрячем, а потом продадим какому-нибудь баши?

– Нет, – ответил Ибрагим. – Я уже думал над этим. Мы ее подольше попрячем... А потом я сам ее повезу на продажу.

– Почему это ты сам?

– Потому, что я надеюсь ее пристроить в какой-нибудь гарем, возможно даже к кому-то из дефтердаров: это для нас лучше, чем баши. Кто знает, какую она нам прибыль принесет.

– Лучше без приключений! А то пока она добьется дружбы какой-то жены большого господина, нас уже в живых не будет.

– Не мы, так наши дети живы будут!

К этому старый армянин прислушался. Он немного подумал и сказал:

– Хорошо, повезем ее завтра в Кафу. Но я за то, чтобы ее поскорее продать. Нельзя такой товар долго держать!

– Посмотри, посмотрим!

– А сколько ты дал за нее?

Старый Ибрагим назвал цену – и началась ссора!

Настя не понимала их, только догадывалась, что попала не в самое тяжелое положение, и что оба купца заботятся о том, чтобы ее подороже продать. Когда она смотрела на них, она была рада, что не попала в руки полудиких татарских разбойников и торговцев живым товаром, которые разобрали ее товарок.

Армянин не переставая спорил с Ибрагимом, открыл двери и позвал невольницу. Не нужно было долго звать ее, ведь она подслушивала за дверью. Он жестом показал ей комнату с решетками на окнах, где уже сидели другие невольницы. По их лицам было видно, что их тоже недавно привели сюда.

Служанка, приведшая Настю, сказала ей лишь одно слово:

– Кафе! – И показала рукой вдаль.

Настенька осталась с подругами по несчастью. Найти с ними общий язык она не могла. Страшно утомилась под напором мыслей и с молитвой на устах. Разбудили ее только к вечеру.

Проглотила кусочек коржика, запила молоком и снова за-

снула.

Утром, проснувшись, увидела она во дворе запряженную татарскую телегу и обоих своих хозяев, готовых к путешествию. Ее закутали в какие-то старые лохмотья и посадили на воз.

Оливковыми рощами и дубравами ехали они к прекрасным горам, где на вершинах расположились вечнозеленые хвойные деревья и кустарники. На их склонах виднелись виноградники и сады с олеандрами, магнолиями, тюльпанами, миртами, мимозами и гранатами. На синем фоне дневного неба слегка колыхались короны кипарисов и лаврового дерева. По дороге мелькали чудесные разломы разноцветного мрамора и целые вереницы возов, везущих соль. Красота дивной крымской природы отрывала мысли молодой невольницы от печальной действительности и неясного будущего. Красота природы успокаивала ее.

Справа виднелись верховья Чатырдага, одной из красивейших гор на земле. Красота ее была такова, что Настя склонилась перед ней. И вспомнился ей могучий слог, которым открывается Святое Писание: «Сначала создал Бог небо и землю».

Тут, у подножья прекрасного Чатырдага, почувствовала она всем своим естеством величие Творца. И дух ее, задавленный неволей, познал величие дворца-мира, в котором Бог нагромоздил тысячи красот и чудес и дал их разным народам.

Тут она вспомнила, как через Рогатин ехал польский король, а ее отец должен был его приветствовать. Вернувшись домой, он сказал:

– И у нас бы был теперь свой государь, если бы не наши крамольники, что из гордости отравили последнего князя этой земли, у которого еще было потомство. Думали, что сами без головы править сумеют.

И замолк, складывая ризы.

Тут вспомнила Настя отцовское изречение, только еще тяжелее. Понимала она, что не досталась бы она торговцам, если бы не развалили власть на ее земле. На синем фоне Чатырдага будто увидела чашу черной отравы, которую крамольники поднесли молодому Юрию – последнему из рода Даниила.

В священническом сословии тогда еще хранились рассказы про мученическую смерть последнего потомка владимирской крови на Галицкой земле, который для укрепления Галицко-Волынского княжества окружил себя немцами и другими людьми западной культуры. Это и вызвало ненависть к нему местных завистников, и они в Высоком замке Львова подсыпали ему медленный яд перед самым отъездом на Волынь.

Старая Настина бабушка часто с грустью рассказывала, как молодой князь Юрий ехал, уже отравленный, на Волынь, какие затем боли испытывал, как, уже умирая, доехал до своего замка во Владимире и как там бился в предсмертных су-

дорогах на полу своей палаты.

Ни бабушка, ни отец, ни мать не могли ей сказать, когда это было. Говорили лишь, что тогда стояла чудесная осень на нашей прекрасной земле, и что обильно плодоносили деревья в садах. А потом три дня шел тяжелый град по всей Галицко-Волынской земле, затихая лишь на мгновения. И с того времени эту землю побивает несчастье и по сей день. А отец как-то добавил:

– Не только наши, но и ляхи хороши! Но все же они последовали заповеди Божьей: «Не убей!». По крайней мере не убили своего государя. Вот и есть у них держава.

Какая ни на есть, а все-таки существует...

Настя тогда слушала эти рассказы как сказки. А теперь уже не только понимала, но и чувствовала всю их значимость. На себе почувствовала, что значит, когда какая-то земля станет добычей, лакомым куском для конных чужаков. Образы разрухи и несчастья всей земли были так же ясны, как белый снег на вершине Чатырдага, как темный лес у его подножия.

Ой на горе белый снег,
Куда уехал ты, мой свет, –

завучала песня в ее молодом сердце. Но губы не пропели ее, только глаза чище заблестели.

Настенька не могла оторвать взгляд от прекрасного Ча-

тырдага. Он так успокоил ее красотой, что с полным спокойствием в душе она доехала до большого невольничьего рынка – пристани Кафы.

* * *

На третий день Настя со своими хозяевами въехала на улицы приморского города, где в день продавалось до 30 000 рабов и рабынь. Издалека показались старые, темные, большие дома генуэзцев с решетками на окнах. В них сидела масса невольников, приготовленных к продаже.

Между домов вдруг возник христианский храм братьев тринитариев, что выкупали невольников.

Она узнала его по разорванной цепи, что как символ была прибита над входом. Из ворот как раз выехали два монаха на ослах. Как-то видела она во Львове этих «ослиных братьев», как они собирали пожертвования около церкви. Даже сама как-то раз дала им что-то на пленных.

Через восточный рынок рабов ехали эти «ослиные братья», сидя задом наперед на ослах, ибо не считали себя достойными ездить так, как ездил на осле Спаситель мира, царь его. Шли они между сынов разных народов по приказу из далекого Рима, шли в смирении духа своего, смягчать страшные муки невольников. Настенька с благодарностью смотрела на них.

Ей стало легче от мысли, что и тут есть те, кто помнят именем Христа про помощь бедным невольникам. И уже с легким сердцем смотрела она на старые большие дома генуэзцев с решетками на окнах.

На двор одного из этих домов заехала телега с Настей и ее хозяевами. Они медленно спустили Настю с воза и взяли с собой внутрь. В коридорах крутилось множество людей со смуглыми лицами и южными глазами, и куча прислуги.

Ибрагим с армянином задержали одного из них и о чем-то его спрашивали.

Настя сразу поняла, что они тут как у себя дома.

Через минуту Ибрагим куда-то исчез, а армянин завел ее в одну из комнат, где сидел у стола какой-то сухонький человечек. Он скверно говорил по-нашему и спрашивал Настю, откуда она, сколько ей лет, кто ее родители, где живут и чем, где владеют. При этом армянин ему все что-то говорил, постоянно размахивая руками. Сухонький челове-

чек записывал себе что-то в большую книгу. Потом армянин взял у него какой-то кожаный значок и отвел ее в другую, большую комнату, по тому же коридору. В ней стояли целые ряды шкафов с разной одеждой. Около них суетилась женская прислуга.

Армянин вручил кожаный значок старшей из прислуги, которая, видимо, распоряжалась там, и вышел.

Она взяла Настю за руку, проводила до одного из шкафов, поглядела на нее второй раз и начала выбирать из шкафа какие-то одежды, передавая их в руки Насте. Достав их, она крикнула на одну из служанок и сказала ей пару слов. Та повела Настю рядом полутемных, похожих одна на другую комнат. Настя несла вещи, догадываясь, что они предназначены для нее. По дороге попробовала ткани на ощупь. Ткань была весьма хорошей.

Наконец они остановились перед одной из комнат, из-за приоткрытой двери которой клубился пар.

«Купель», – подумала Настя и улыбнулась. Не купалась она с того времени, как попала в татарский плен.

В купальне она оживилась и пришла в себя. Вернулось ее прежнее настроение. Она долго купалась, пока какая-то старая служанка не дала ей знак, что время одеваться. Она помогла Насте расчесать золотые волосы и одеться. Окончив работу, проводила ее к какому-то сломанному зеркалу, которое стояло в углу соседней комнаты, и щелкнула языком. Настя поглядела в зеркало и нашла, что почти довольна сво-

им платьем.

Старуха проводила ее снова по тем же комнатам, неся старые вещи Насти. В комнате, где стояла одежда, перепоручила ее своему начальству и ушла. Главная внимательно рассмотрела Настю от головы до ног и что-то поправила на ней.

Настя поняла, что теперь ее проводят к кому-то, кто будет решать ее судьбу. Она догадывалась, почему уже теперь: может быть, Ибрагим и армянин хотят сейчас же вернуться или у них есть еще дела. Она понимала, что останется тут, в этом доме, только не могла догадаться, к чему ее готовят.

Главная в гардеробе позвала одну из служанок и сказала ей что-то. Та препроводила Настеньку по длинным коридорам к комнате, перед дверями которой стояли посыльные. Сказала что-то одному из них. Он вышел на середину и через мгновение вошел армянин. Служанка показала ему Настю.

Армянин вздрогнул, не узнав ее в новом наряде. Он взял ее за руку и проводил в комнату.

Это была большая красивая зала с цветными венецианскими витражами на окнах. Ее пол был устлан матами. Перед окном стоял стол, на нем – книги в кожаном переплете и два тройных подсвечника. Перед столом сидел на подушке Ибрагим, а около него – уже старый мужчина, сухой, среднего роста брюнет, может быть, брат того, что писал в первой комнате, ибо уж очень напоминал его.

Ибрагим, увидев Настю, встал и подошел к ней с очевидным удовольствием, дивясь тому, как она похорошела в но-

вой одежде. Взял ее за руки и проводил к хозяину комнаты, который в ней уединился.

Настя мимоходом склонила голову. Ибрагим все время говорил, армянин поддакивал ему. Настя думала, что сейчас ее снова начнут разглядывать. Хотя и сконфузилась, но все же заметила, что теперь уже не только Ибрагим, но и армянин повторяет одно и то же, а хозяин молчит.

Оба ее «опекуна» одновременно разглядывали ее. Она так застеснялась, что почувствовала, как кровь прилила к глазам. Когда взгляд прояснился, она заметила, что хозяин оглядывает ее таким же взглядом, как и тот, которым ее отец смотрел на хорошего коня.

Это воспоминание оживило ее, и она улыбнулась сама себе. Хозяин комнаты что-то сказал. Смотрины закончились. Тем лучше для нее, ведь оба ее хозяина были довольны. Хозяин комнаты подошел к одному из шкафов, достал оттуда какой-то красный шарф и сам надел его Насте на плечи.

Ибрагим и армянин попрощались с ним, взяли с собой Настю и повели к противоположному крылу дома. Прошли с ней два больших двора и огород, в котором были деревья. Потом проводили ее в новый дом и передали в руки другой, новой начальнице. Сделали пару жестов и ушли.

* * *

Настя оказалась в большой комнате, где было много мо-

лодых рабынь. Они сейчас же обступили ее и на разных языках начали расспрашивать о том кто она, откуда и как попала в плен.

Были между ними и землячки с Украины. Настя сейчас же присоединилась к ним.

Увидев своих, она повеселела и все рассказала почти что радостно. Тут она почувствовала человеческую близость с теми, кто родился на ее земле, где солнце светит так же ярко.

– Ты такая веселая! – сказала с удивлением одна из ее новых подруг по несчастью.

– А почему бы ей не веселиться? – ответила другая. – Отправят ее в школу, а тогда, глядишь, и родители узнают, где она, да и выкупят.

– В какую школу? – спросила Настя.

– А ты не знаешь? Мы тебе объясним, – посыпалось со всех сторон. А одна из невольниц, у которой на плече был такой же шарф, только уже тщательно притороченный, начала так:

– Вот эта красная лента значит, что тебя сейчас не продадут...

– Да с чего бы! – прервала другая. – Разве не продали неделю назад одну из нас, не смотря на красный значок?

– Ну-у, тут попался какой-то богатый господин и предложил денег побольше!

– Ну так и ее может кто-то оценить.

– Нет, ту он уже видел раньше и искал! А этих, что назначены в школу, показывают только очень богатым купцам, и то редко.

– Но скажи уже, наконец, в какую школу я пойду? – спросила Настя.

– В общем-то, все мы уже в школе, да еще в какой! Нужно слушаться и учиться, а то побьют. Ох и бьют же! Вот видишь – на лежанке ляшка из-под Львова. За непослушание побили так, что ни сесть, ни лечь не может.

Настя поглядела туда, где лежала несчастная. Она лежала на боку, на полу в углу, не двигаясь. Это была молодая девушка. Настя подошла к ней с сочувствием. Все вместе с ней смотрели в ту же сторону и начали обступать побитую.

Лежащая жалостно улыбнулась и сказала Насте:

– Тут бьют очень больно, но вреда не причиняют.

Бьют батогом по закрытому телу.

Потом вошла начальница, а за ней внесли обед.

Началось движение. Все сидели на своих местах. Только побитой еду поднесли. Насте же было уготовано ее место.

После обеда, который был очень сытным и вкусным, невольницы начали прощаться с Настей, говоря:

– У каждой из нас есть своя работа. Вечером все тебе расскажем. А ты пока что поговори себе с ляшкой, ведь тебя сегодня в школу пока не заберут.

Когда все покинули комнату, Настя присела к наказанной девушке и спросила ее ласково, как она попала в плен.

– Я, – ответила она, – попала в татарский плен еще год назад. Мой отец, Вележинский, имеет село и, может, выкупил бы меня, знай он, где я. Но эти гемуэзцы прячут лучших из невольниц... – Почему?

– Потому, что надеются получить тем больше выкупа от родни, чем дольше она будет метаться, или большую цену от чужаков, которым раз за разом нас показывают, изучая то, им нужно.

– А что им нужно?

– Смотря от кого. Они делят нас, чтобы использовать по-разному. Одних, простых и некрасивых, отправляют на тяжелую работу. Других берут в школы.

Ляшка улыбнулась с горечью и сказала:

– Та, в которую тебя направят, стоит того, чтобы в нее стремиться.

– А куда меня направят?

– Тебя отправят изучать настоящие науки. Научат тебя читать и писать по-своему, а может, и счету своему, и попробуют продать как служанку в гарем какого-то баши или дефтердара, что в чести у хана.

– Зачем им это?

– А чтобы через тебя завязать знакомства и получить всяческую помощь.

– А что же служанка может сделать?

– Смотря какая, смотря где и смотря когда. Выведать можно многое. Эти хитрые гемуэзцы уже все просчитали.

– А в какую школу отправили тебя?

– Меня – совсем в другую. Красивых девушек они отправляют в гаремы богатых господ и вельмож и кормят подобающе, и воспитывают. Видела, сколько мне еды принесли?

– Видела. Очень много.

– И я все должна была съесть. А если бы не съела, то снова бы получила батоги, хотя я уже так побита, что и сидеть не могу.

– За что?

– Говорю же, за непослушание. За это меня высекли. Приехал из Трапезунда какой-то баши, что хотел выбрать себе девушку из тех, что есть у нашего хозяина, или хозяев, потому, что у них союз. Словом, захотел себе какую-то красивую девушку в гарем. Меня красиво одели, привели, и приказали мне сделать при нем все, чему учили в моей школе.

– А чему тебя учили в твоей школе?

– Это не та школа, о которой ты думаешь. Учат там мало – в основном танцевать их танцы, а еще тому, как вести себя со стариками, а как с молодыми.

– И как же?

Молодая полячка Ванда немного стушеввалась. Но сказала:

– Как придет молодой, что хочет купить девушку, нужно несмело прятаться, опускать взгляд, стыдливо закрывать глаза руками и этим привлечь его.

– А со старым как?

– Совершенно иначе! Ему нужно просто смотреть в глаза горячим огненным взглядом и этим самым будто обещать ему роскошь, чтобы он тебя купил. Вот приехал как-то сюда один старый баши из Трапезунда. Множество лучших девушек выставил ему наш хозяин в ряд, и меня тоже. Нам всем строго напомнили о том, как вести себя. Баши, опираясь на палку, пролез между нами и оглядел каждую. Посмотрев на него, я чуть не упала: старый, сгорбленный, паршивый, голос звучит как сухое ломающееся дерево. А он как раз показал на меня! Вывели меня из ряда ни живую, ни мертвую и сам хозяин проводил меня в отдельную комнату вместе со старым баши, где тот при нем должен был меня внимательнее рассмотреть. Хозяин еще по дороге давал мне понять глазами, как нужно себя вести. Но я решила действовать не так, как нас учили.

– И ты добилась своего?

– Да. Старый баши подошел ко мне несколько раз, а я и глазом на него не глянула, хотя мне мой хозяин в гневе даже покашливать начал. И баши сказал ему при мне: «Что-ж! Она хороша, но без жизни. Не хочу!». И поехал, никого не купив!..

– Я бы сделала так же.

– А я уже нет, пусть уж будет, что будет. Потому, что неделю меня били три раза в день, да так, что впадала в беспамятство. Не хочу этого больше. Только бы этот баши снова не приехал.

Дрожь потрясла ее.

Настя успокаивала ее:

– Он не тебя уже не посмотрит.

– Да! Будто он помнит, что уже рассматривал меня. Одедут меня совсем по-другому, волосы спустят на грудь, не назад. Смотри, какие у меня волосы красивые! Они знают, что и как делать!

Она показала свои действительно прекрасные волосы и, передохнув, добавила:

– У меня чувство, что этот труп купит меня! – Она тяжело зарыдала.

– А что он тебе сделает, если ты не любишь его, даже если он тебя купит?

– Эх, ничего-то ты не знаешь про то, что они с непослушными вытворяют, с теми, кто не выполняет их прихоти! Поживешь, узнаешь. Тут есть те, кто побывал в гаремах в Царьграде, Смирне и Египте. Страшные вещи рассказывали.

Настя задумалась.

У нее перед глазами стояла разорванная цепь храма тринитариев, как символ всего лучшего. Только теперь поняла она, что значит быть невольницей, что значит быть свободной. Эта цепь с храма казалась ей золотым символом, самым дорогим. Теперь ей пришло в голову, что если сегодня она услышит звоны этого храма, то получит свободу.

Ей вспомнилось, что отец ее очень не любил таких суеверных зарок. Но она не могла сопротивляться тому, что ро-

дилось в ее душе, хоть и боролась с ним. «Может, сегодня воскресенье?» – подумала она. Ведь в дороге она утратила счет дням, но боялась спросить подругу по несчастью, знает ли она, что сегодня за день: хотела подольше обманываться тем, что сегодня воскресенье, тем, что сегодня сейчас зазвонят к вечерне в церкви тринитариев. Этот голос был бы для нее знаком того, что она еще вернет свободу. Дома, на воле в родном краю. Эти две мысли – родной край и свобода – были неразрывны в ее мыслях и мечтах.

«Неправ был отец, когда говорил, что здоровье – главное добро в человеке, – подумала она. – Свобода – благо еще большее».

Но не давала она распознать в себе то, что было у нее на душе. Инстинктом чувствовала, что веселье и глубокое чувство радости жизни – ее защита в одиночестве.

– Не печалься, – сказала она ляшке. – Будь что будет!

И она запела такую веселую песню, что даже Ванда повеселела. Так они проболтали до самого вечера, а звона все не было слышно... Пришли с работы их товарки. От той, у которой был красный шарф, узнала Настя, что уже завтра поведут ее в школу и что там еще есть кроме нее, еврейка с Киевщины, две гречанки, и другие из разных земель. Там есть два главных учителя: турок и итальянец...

После ужина девушки снова стали уходить.

– Куда же вы снова идете? – Спросила Настя.

– Снова в школу, но это другая – там легче, – ответила

полячка.

– Там женщины учат, – добавила другая.

– Ты тоже завтра туда пойдешь, сказала третья. – Должна пойти, хотя, наверно, ты немного знаешь, как делать то, чему там учат.

Настя была очень заинтересована и хотела увидеть эту школу невольниц. Она почти не спала в ту ночь.

V. В школе невольниц в страшном городе Кафе

Каждая школа учит не для себя, а для жизни.

Смущенной шла Настя в школу невольниц. Но ее ум живо работал. Она ясно понимала, что в этой школе может быть заложен фундамент ее дальнейшей судьбы – хорошей или плохой. Побег, или жизнь здесь – все равно нужно изучить местную жизнь и то, чего она требует. Она это заучила себе как «Отче наш», который повторяла из раза в раз.

Долго она думала о себе. Твердо решила она для себя все, чему в этой школе учат, усвоить. И еще об одном она думала, хотя и стыдилась самой себя...

Думала, как понравиться учителям. Подробно обдумывала она советы подруг по несчастью о том, как вести себя с молодыми мужчинами, а как со стариками. Но она стыдилась снова спрашивать об этом.

Когда она впервые проходила огородом с другими невольницами, то увидела через железную ограду, небрежно заколоченную досками, ужасную картину: на улице в цепях корчился от боли невольник с клеймом на лице, крича только два слова по-нашему: «О Боже!.. О Господи!..». Кости на руках и ногах у него были сломаны и торчали сквозь разодран-

ную кожу. На него как раз спускали огромных, специально истощенных голодом собак, чтобы они разорвали свою жертву... Рядом стояли стражники, чтобы его из сожаления не прикончили христиане, ведь у он должен был умереть от голода, жажды и потери крови, травимый собаками дважды в день.

Это были обычные способы, употребляемые мусульманами против невольников, которые все равно пытались бежать. Делалось это, конечно, прилюдно, чтобы отвлечь других от побега.

От этого страшного зрелища в голове все закружилось, она побелела как стена, глотнула воздух и упала на клумбу с цветами, как сорванный цветок. Упала она с теми же словами: «О Боже! О Господи!»

В синих глазах Насти снова мелькнула чаша черной отравы на фоне Чатырдага... и зазвенели в душе страшные, но правдивые слова Святого Писания: «На потомках потомков ваших отражу зло ваше».

Мысли молниями били ее по голове.

Мучающийся невольник был хорошо сложен и вполне мог быть потомком преступников, поднесших чашу с ядом во Львовском Высоком замке, в памятную осень, когда щедро плодоносили сады во всей Галицко-Волынской земле...

Вокруг на улице разносились стоны нескольких других невольников, избиваемых кнутами: так им прилюдно устраивали самые разные пытки за малейшее неповиновение.

Настя лежа пыталась заткнуть уши руками.

Через какое-то время с помощью своих товаров, бледная как смерть, она поднялась и подобно лунатичке пошла дальше. Всю дорогу молилась, говоря: «О Боже! О Господи! Верно, справедливо ты караешь наш народ за большие грехи его. Но сжался над ним и надо мной в этом жутком городе пыток. Покажи мне свой благосклонный лик, и моя неволя станет легче... Возьми меня под свою опеку...»

С этими мыслями вступила она в школьную комнату и села, как и другие, на плетеный мат, подобрав под себя ноги.

О, как же это было больно!

Другие – те, что ко всему привыкли – смеялись над ней и успокаивали ее, говоря:

– Не бойся! Привыкнешь!

Она всеми силами старалась забыть то, что видела на улице.

Молилась и смотрела в двери.

В комнату важно вошел учитель в чалме на голове. «Не молод и не стар», – мелькнула мысль в голове у Насти, так смутив ее, что она покраснела. Не знала она, как вести себя с такими.

Степенный турок Абдулла сразу заметил новую ученицу и ее смущение. По его лицу пробежало выражение то ли внимательное, то ли довольное: может, подумал он, такое впечатление на прекрасную невольницу было произведено им как мужчиной. Но он старался не выдать этих мыс-

лей. Он сел на подушке и начал важно, как и всегда, свой урок со слов:

– Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет – пророк его!

Он трижды повторил эти слова с таким придыханием, что казалось, он их достает из самой глубины своего сердца.

Настя понимала эти слова, ибо слышала их почти с первого дня своего плена.

Слава Корану, книге пророка, продолжал учитель Абдулла только уже на арабском. Объяснял он все на диковинной турецко-персидско-татарско-славянской смеси. При этом он не забывал о жестах, показывая предметы, о которых он говорит.

Настя впитывала в себя правильное произношение арабских слов как губка воду. Но с их смыслом в душе она была несогласна, противилась ему, хотя и испытывала благодарность к учителю, что так тщательно повторяет слова.

Всматривалась в него как в икону.

В дальнейшем она ничего не понимала и считалась самой слабой ученицей. Но тем тверже была ее решимость сравняться с другими и опередить их. Она внимательно вслушивалась в звуки чужого языка учителя. Вся превратилась в слух.

Только в конце урока спросил почтенный Абдулла, знает ли кто-то из учениц язык Насти? Отозвалась одна и Абдулла приказал ей пересказывать все, что она от него услышит, Насте и всячески помогать ей в науке. Та все перевела

Насте и взглядом поблагодарила учителя. После чтения Корана Абдулла учил счету.

Когда он вышел, был уже полдень. Ученицы пошли на обед. Настя села возле своей опекунши Клары (так ее звали) и мысленно собрала впечатления – как ее отец оглашал во всеуслышание свое долгожданное решение сделать какую-то крупную покупку или предпринять другой важный шаг. Она чувствовала, что найдет друга в Абдулле, ибо она ему понравилась: он смотрел на нее все время. Смотрел незаметно, но чаще, чем на других. Чаще и иначе. Смотрел он точь-в-точь как женщина, вглядывающаяся в дорогую материю, которую она не может купить из-за цены. Он, конечно, не произвел на нее никакого впечатления как мужчина, что удалось Стефану, когда она впервые его увидела. Но все же ей льстило то, что она ему понравилась.

Думая об этом, она не забывала про свою опекуншу. Спрашивала ее, как по-турецки называется каждый предмет, который она видела на столе. Клара с радостью говорила ей и живо разъясняла все, что знала. Симпатия Клары для Насти пока была важнее благосклонности Абдуллы. От Клары она узнала, что с другим учителем, итальянцем Риччи, она сама сможет разговаривать, так как он был в Лехистане (Польше) и даже немного говорит на тамошнем языке, так что она сможет понять его. Настя этому очень обрадовалась и уже почти весело шла на урок после обеда.

После полудня пришел Риччи. Худой, жилистый мужчи-

на, с каким-то дивным огнем в глазах. Он обладал поистине аристократическими манерами. Таких Настя видела только изредка, когда ездила во Львов. Отец Иоанн говорил ей, что это были немецкие послы, едущие в Москву.

Ей было очень интересно, каким образом этот человек оказался на службе у людей, торгующих женщинами. Видимо, у него должны были быть какие-то неизвестные никому факты биографии, приключения, которые привели его сюда и принудили к такой работе и на таких людей... Риччи также живо заинтересовался своей ученицей. Он, как раз перед тем, как приступить к началу урока, выслушал ее рассказ о том, кто она, откуда, кто ее родители, как и когда она попала в плен, что умеет.

Он был удовлетворен умными ответами Насти, хотя в ответ на некоторые и улыбался незаметно. Особенно сильно стал улыбаться, когда Настя рассказала о своей вере, ее силе и красоте обрядов и церквей.

Это задело ее, так что она отважилась заметить: – Вы, верно, латинской веры... Риччи усмехнулся и ответил:

– Мои родители были той же веры, что и ваши.

– Как это, родители? А вы приняли другую? – спросила она с едва заметным возмущением в голосе. Она еще дома восприняла презрение к тем, кто оставил веру отцов.

– Нет, – ответил Риччи, смеясь. – Но про это, если вам интересно, мы поговорим подробнее как-нибудь в другой раз, и про красоту разных обрядов и про святыни разных стран

тоже поговорим. Мне приятно говорить об этом с молодыми и любопытными людьми...

Он начал урок. При этом каждое предложение он переводил такой мешаниной, что и Настя его понимала. Говорил про разные народы, про жизнь господских и королевских дворов, про то, как там пишут письма, как строят, как одеваются. Говорил интересно.

Настя так увлеклась его уроком, что за ужином даже не было у нее времени подумать про этого учителя. Только спросила Клару, что он говорил до того, как она пришла в школу. И Риччи в конце лекции учил счету.

Вечером подруги проводили ее в те комнаты, которые она увидела первыми, придя в этот дом. На Настин вопрос о том, чему еще их тут учат, одна ответила:

– Глупая! Сейчас увидишь...

Тут учили уже женщины под управлением той, что переодевала Настю.

Учили любезничать, садиться на колени, нежно и горячо целовать, плавно ходить по комнате, одевать и раздевать мужчин (одежда была на деревянных моделях), обнимать, красиво завязывать им чалмы и тюрбаны. Все на моделях.

Насте эта наука была совсем не по нраву. Она просто не могла себе представить, что можно поцеловать кого-то еще, кроме Стефана. Но вспомнив слова Ванды, она задумалась.

И в эту ночь ей долго не удавалось заснуть. Она дума-

ла обо всем увиденном и услышанном в этой школе. Одним она была довольна: ей представлялось возможным самой направлять урок в интересную ей сторону. Она была ловкой. Уже после первого дня поняла по поведению учителей, что это ей по силам. Успокоившись от этой мысли, она заснула крепким сном.

Скоро заметила Настя и главное отличие одного своего учителя от другого. У Абдуллы не было Бога, кроме Аллаха, не было власти, кроме султана, не было мира, кроме исламского. Он был хорошим, даже приятным человеком, но Насте напоминал вола, идущего по кругу. Пусть даже круг был широким и красивым. Абдулла с восторгом рассказывал про величие власти султана, про красоту столицы и дворцов падишаха, про его цветущие сады, про пышные одежды двора, про далекие страны, находящиеся под его властью, про их красоту и богатства, про все величие Востока. Но всему у него было какое-то назначение. Все будет так, как должно быть, как Аллах соизволит. И в этом он отличался от итальянца, как Восток от Запада.

Риччи во всем подчеркивал вес и значение человеческой мысли, предприимчивости, труда. Даже в то, что казалось очевидным, человек, по его словам, мог вносить важные изменения.

Он ей нравился за этот образ мыслей. Ведь ни на мгновение не оставляла она своей мечты про побег, про возвращение из чужого мира, куда ее насильно упрятали и в котором,

кроме важных вещей, учили поцелуям и ласкам. Эти уроки она ненавидела так же сильно, как любила уроки Риччи. Она проникалась его рассказами про прекрасные итальянские дома, про царицу моря – Венецию на 122 островах, про золотую книгу ее именитых родов, про ее Большой совет, про власть дождей, про странные тюрьмы в подземельях, про высшие школы Флоренции, про Ватикан в Риме и про все чудеса эпохи Возрождения.

Прежде всего ей нравилось в уроке Риччи то, что он говорил про предприимчивый дух тамошних людей. Поэтому победил в ней восторг, вызванный внешним блеском тамошней жизни. Но в конце она снова стала интересоваться людьми, о которых говорил итальянец. Особенно большое впечатление на нее произвел рассказ о том, что на Западе женщины занимаются тем же, чем и мужчины – торговлей, наукой и даже государственными делами. И странным образом, хоть она и была в неволе, в первый раз почувствовала себя человеком она именно здесь. Правда, и дома она знала, что были у нас государыни, вроде княгини Ольги. Но это знание уже как-то заплыло и поблекло, словно сказка. А там все происходило в ее время, жило. От одной этой мысли плечи ее сжимались, как стальные пружины, а грудь высоко вздымалась.

Тут она впервые подумала, почему бы женщине не заниматься государственными делами?

«Разве я не такой же человек, как мужчина?». Какая-то искра удивительного честолюбия заиграла в ее сердце.

Это было для нее тем удивительнее, чем лучше она понимала, что находилась в рабстве, и понимала также, что там, в старом крае – как в мыслях она его звала – только монахини из всех женщин ведали своими общественными делами. Знала она, что у них были собственные советы, что сами они назначали членов своих монастырей на разные должности, отправляли их в поездки. А все остальные женщины этим не занимались. И тем больше она была благодарна церкви, которая допускала женщин к такой работе. И тем больше сердилась на Риччи, который усмехаясь говорил про церковь.

Настя даже не могла представить, что Риччи был одним из политических шпионов Венеции, богатейшего города тогдашней Европы. Он должен был всеми способами отслеживать отношения на Востоке и содействовать образованию смысленных невольниц, которых после можно было бы употребить для сбора данных при дворах мусульманских наместников, адмиралов, генералов, визирей и вельмож.

Чтобы не обращать на себя внимание турецких властей, которые особенно ненавидели венецианцев, Риччи формально служил Генуе – сопернику Венеции, которая пользовалась значительно большей симпатией среди турок. Большая генуэзская торговая компания, в которой служил до этого времени Риччи, состояла в союзе с армянскими, греческими, турецкими и арабскими купцами. Интересы и политика в союзе были так искусно связаны и скрыты, что не все его чле-

ны понимали суть дела. Главная управа союза нарочно располагалась в Кафе, а не в Царьграде, где был лишь филиал с самыми доверенными людьми.

Настя больше сердцем, чем разумом понимала, что в ходе ее мыслей происходит некая перемена. Душа словно сад разделилась на три части, усаженные разными цветами.

Первую насадили еще дома, она была милее всех, ароматная как василек, хоть и наименее толковая.

Другая часть – та, которую в ней взращивал турецкий учитель Абдулла. Она не любила его уроки, но сам он ей нравился, ибо она чувствовала в нем честного, верующего человека.

Третья часть была делом итальянского учителя Риччи. Она нутром чуяла, что тот хуже турка. Но от науки его так и тянуло сладко, как от греха. Как от теплой, ясной воды, что обволакивала ее в купальне, веяло от дивной науки тогдашнего ловкого Запада. Она больше чуяла, чем понимала, что освобождает сущность человека, но делает это ужасно, будто давая яд в одну руку и нож – в другую, говорит: «Тебе все можно, делай, что хочешь!» А старая мудрость Востока говорила: «Слушай Аллаха на небе и султана на земле!» Она связывала сильнее татарских ремней. Но в этом чувствовалась и сила. Настя чувствовала ее и в Абдулле, что был крепко связан этой наукой по рукам и ногам.

Перед чистой, словно цветок, душой Насти стоял тогдашний Запад Ренессанса, уже пораженный неверием и злодей-

ством, – и чуждый Восток, полный жестокостей, но более сильный в вере. Видно, поэтому Бог избрал его своим оружием на земле.

Она трепетала внутри, как трепещет бабочка, брошенная в воду. Ее единственной внутренней опорой был крест. Но его все больше будто поглощали два новых потока. Но появлялся он в ее душе, даже ярче сиял, чем прежде. И она так держалась за него, как букашка держится за соломку, несомую водой.

О страшный потоп встревоженной людской души! Этот потоп только начинал заполнять невинную душу Настеньки...

* * *

Хоть Насте и не нравился Риччи, она все же слушала его, затаив дыхание. Особенно про независимых женщин в Италии. Как же он интересно рассказывал! Про их интриги и заговоры, или про разные яды, которыми сживали со свету врагов.

Внутри у нее что-то кричало, что так нельзя поступать. Но крик сразу глушило осознание того, что так делают... И нравственный крик ее души был все тише и тише. Она просто свыклась с тем, что страдала от этого.

Однажды ей подумалось, что ее учитель действует по какому-то определенному, хорошо продуманному плану, рас-

сказывая им все это. Собственно, с первого часа пребывания с ним в школе, почувяла она, что это таинственный человек, который что-то не договаривает. Несколько раз ей казалось, что она ухватывает нить, смотанную им в таинственный клубок. Даже палец ко лбу прикладывала, думала, отгадала. Но мгновение спустя опускала руку... Угадать не получалось.

Все это ее интересовало и захватывало, но в то же время мучило. Поэтому она выдохнула, поняв, что Риччи перешел к совсем другим делам. Настя что-то уже слышала про это дома – первые глухие вести. Но тут она узнала больше про новые чудеса, которые итальянский соотечественник ее учителя открыл за океаном, в который садится солнце. Узнала про красных людей, что как вихрь летят степями и снимают кожу с голов побежденных, про их вигвамы из шкур и каменные святилища на священных озерах, про золотые палаты царей в Перу и Мексике и про страшную, отчаянную борьбу с белыми наездниками.

С этого времени Риччи перешел к рассказу про удивительные приключения Одиссея. Потихоньку перешел он к эллинской философии, а она впитала эту науку в свои мысли, как впитывает цветок росу в нежные листья. Она цвела на глазах, как черешня.

Все, что услышала, обговаривала она потом со своей подружкой еврейкой, которая знала больше, ибо дольше уже была в руках торговцев, что старательно готовили своих жертв.

Как-то Настя спросила:

– Скажи мне, Клара, к чему нам все эти яды и женщины, зачем?

– А ты, Настя, еще не знаешь? Они так размышляют: вот какая-то из них попадет в руки некоего высокого дома, где нужно будет кого-то им внедрить. Тогда сулят золотые горы, а многие соглашаются. Все этот союз, что доберется бог знает куда! Я не знаю, но мне кажется, что он и в те новые земли пробраться хочет, о которых Риччи рассказывал.

Настя дрогнула, словно по ней полз гад: эта жуткая мысль ее так встревожила, что она не хотела больше касаться этого дела.

Но снова спросила Клару:

– Думаешь, и Абдулла участвует в этом союзе?

– Абдулла? Нет! Это честный турок – чтит Коран, но не знает, что делается.

Как-то шла она по коридору, немного опаздывая в школу, а ее встретил Риччи и вдруг спросил:

– Вы бы поехали со мной на Запад?

– Как же! – ответила она и вся загорелась. – Я же в неволе...

– Сбежим вместе.

Она не знала, что сказать. Ей хотелось вырваться отсюда, но она помнила своего Стефана и что значит бежать с Риччи, поняла. Но она не хотела отказом рассердить его.

И ответила быстро, как бы спеша: – Я... я... подумаю...

Кто-то подошел, оба спешно пошли в школу.

Риччи начал еще красочнее рассказывать про чудеса Запада, про их школы и тамошние науки.

Шло время, а выкуп все не приходил... И даже весточки не было ни от Стефана, ни от отца. А может, не пропускали к ней никакой вести? Иногда она сидела и тихо плакала. Но вскоре вставала и принималась за строгую науку.

Хозяева Насти радовались такой проворной ученице.

В это время Стефан Дропан, Настин суженый, со значительной суммой ехал в составе польского посольства по следам любимой. Был он в Бахчисарае и добрался до Кафы. И молился в храме братьев тринитариев, что от его Насти отделялась лишь улицей.

Всюду он спрашивал и поехал в Царьград. Но никакой вести про нее не услышал. И не смог вернуть себе Настю. И она не смогла его вернуть. Но и хитрым торговцам не удалось ее использовать. Ведь рука Господа управляет людской судьбой и долей народов на путях, что сами они выбирают по своей доброй воле.

VI. В неизвестное будущее

*Грустно кличет по-над морем
Клин летящих журавлей.
Кто вернется? Кто погибнет,
Не добравшись до полей?*

Много дней прошло в школе невольниц, и над ужасной Кафой уже второй раз летели на юг журавли. Настала прекрасная весна, и земля запахла. В урочный вечер, когда к пристани причалило несколько турецких галер, увидела Настя из окна своей комнаты, как военная стража на пристани побросала шапки на землю и собрали палатки. Громкие крики солдат доносились даже до нее.

Сразу же стало известно, что в городе Ограшкой умер в дороге старый султан Селим, и что тело его на черных волах везут в Стамбул.

Какой-то небывалый беспорядок охватил мусульман.

У всех на устах было имя престолонаследника, который пока был наместником Магнезии.

– На престол вступает молодой Сулейман!

Эти слова произносились мусульманами с каким-то особенным придыханием и таинственностью во взгляде.

Военные отряды как-то по-другому шли через улицы го-

рода: другой походкой, иначе держа мушкету, иначе подымая головы. Шаг их стал твердым, а икры янычар напрягались словно сталь... По старым черным улицам Кафы стекались толпы мусульман и громко кричали в небо: «Аллах акбар! Сотен лет жизни султану Сулейману!»... Десятый султан из Османов!» С этим возгласом какое-то чудное предание веры и надежды шло от Черного моря и от гор Чатырдага меж мусульманскими племенами. Шло и укрепляло их тело и душу.

Даже в сераях набожные жены мусульман подымали своих детей вверх, пылко твердя: «Наши кровь и добро в воле падишаха!»

И все мечети открылись нараспашку, а мусульманское племя волнами приходило в них молиться за нового султана. С вершин минаретов дивными голосами кричали муэдзины свои молитвы. Словно раскаты грома раздавались в исламском мире. В воздухе витало чувство новой великой поры Османов, подготовленной твердостью покойного султана. Какое-то невероятное единство объединило мусульман всех народов и состояний – от богача до нищего. От них разительно отличались сонные лица чужаков, христиан и иудеев.

Настя с интересом ждала дня, чтобы расспросить своего учителя Абдуллу про молодого султана.

Как только на другой день в комнату вошел Абдулла, она его спросила:

– Чего мусульмане ожидают от нового султана?

Абдулла посмотрел на нее внимательно, опустил голову, скрестил руки на груди и сказал глубоким таинственным голосом:

– Султан Сулейман будет величайшим из наших султанов!

– Почему? – спросила молодая невольница, обжившаяся в школе и привыкшая к учителям.

– Так предсказано, – с глубокой верой ответил почтенный Абдулла.

– Но что именно предсказано? – с интересом спросила Настя.

– Предсказано, что с началом каждого столетия рождается великий муж, что схватит этот век как быка за рога и переборет его. А султан Сулейман родился в первый год десятого столетия Герджи.

– Но в этот год родилось множество людей, – заметила Настя.

– Не говори так, о Хюррем, – серьезно ответил Абдулла, – ведь султан Сулейман – любимец Аллаха, и святая лоза в руке его оставила еще один знак того, что это будет величайший из всех султанов наших.

– Какой знак? – спросила она с еще бóльшим любопытством.

– Он – десятый по счету султан! А десять – это самое совершенное число! Оно оканчивает и закрывает первый круг чисел. О его совершенстве свидетельствует и то, что у нас десять пальцев на руках, и десять – на ногах. У нас десять

чувств: зрение, слух, обоняние, осязание и еще пять таких же внутри. В священном Коране десять частей и есть десять способов его прочтения. У Пророка было десять учеников, и десять заповедей. Существует десять частей неба и десять гениев над ними. Из десятков состоит все войско падишаха. Десятый султан жестоко накажет врагов ислама. Слышишь, как по-другому стала перекликаться стража на пристани? Она уже чует, что великая рука взяла на земле знаки власти Пророка, еще более великая, чем рука его грозного отца. Пусть Аллах будет милостив к душе его!

А стража действительно иначе стала перекликиваться на пристани Кафы. Муэдзины иначе пели на минаретах. Даже простые мусульмане по-другому держали голову: их воображением овладела вера в великого султана, что все преодолеет и все уладит. И начали они рассказывать удивительные легенды про молодого Сулеймана.

Настя все ждала Абдуллу. С нетерпением ждала, чтобы расспросить про молодого султана. Теперь ее интересовал прежде всего Абдулла, а не Риччи.

На следующий день она снова начала расспрашивать его про молодого султана. Она так заинтересовалась, что говорила уже довольно хорошо, без помощи своих товаров.

Абдулла, обрадованный ее интересом, рассказывал с величайшим восторгом, говорил про великие дела, которые наверняка совершит молодой султан.

Настя долго слушала его с интересом и, наконец, пре рва-

ла его с такими словами:

– Ты говоришь так, будто султан Сулейман будет жить вечно.

– Нет. Конечно, и он не вечен. Но древнее предание гласит, что и после смерти он будет править миром какое-то время.

– Как это?

– А вот так. Десятый султан Османов умрет на львином столе сидя. Свой смертный час он встретит окруженный всеми знаками власти. Люди и звери, гении и джинны будут бояться его и слушаться, думая, что он жив. И никто не отважится подойти к Великому халифу. А он никого позовет, ведь не будет его уже среди живых. Так и будет он сидеть, пока мелкий червь не подточит посохи, о которые облокотит свои руки великий султан. Тогда с подточенными посохами упадет и тело Великого Государя. И о смерти его станет известно всем. И в государстве Османов начнется небывалый разлад. Аги и вельможи поддержат ужасное правление Капу-Кулей. Арпалык и Пашмаклык уничтожат великую сокровищницу султанов, а подкуп и преступления будто черви подточат силу закона десятого и величайшего султана из династии Османов. Еще из-за моря, из далеких пустынь принес такое предание о десятом султани Османе мой народ. – Через мгновение он добавил: – А ты, нежный цветок, не бойся страшного времени Капу-Кулей. Предсказывают, что тот, кому будет больше десяти, когда он услышит об этом преда-

нии про Сулеймана, не увидит его смерти. Ведь берега суши захлестнут многочисленные волны еще до того, как молодое лицо великого халифа сморщится и побелеет, как молоко, его каштановый волос.

Учитель Абдулла говорил это спокойным голосом. И ни один нерв не задрожал на его лице.

Затаив дыхание, Настя слушала старое поверье турок про величайшего мужа среди них. Она словно в экстазе спросила:

– А что предсказано хотя бы про одну из жен десятого султана?

– Все что предстоит, должно быть и предсказано. Любимой женой десятого султана будет Мисафир. В сердце падишаха она взойдет как ясная феджер, но в его царстве это будет кровавый восход. Она совершит много доброго, но и много горя принесет всей земле халифа от тихого Дуная до Басры и Багдада, и до каменных могил фараонов!

Даже в царстве тишины, в ужасной пустыне, где веками чернеет Мекам-Ибрагим, среди зноя забьет чистый родник под ее стопой. Ведь Аллах с небес дарует ей великую милость и большой ум. Но и шайтан посеет в ее сердце великую гордыню...

В школе невольниц стало тихо, будто перед грозой. Учитель Абдулла перевел дыхание и говорил дальше:

– Долго и упорно, постом и молитвой будет бороться Великая султанша со своим грехом, пока не поддастся искуше-

нию шайтана в святую ночь Рамазана... И будет вихрь потрясать ворота сарая и окна сераля, а в сердце султанши воцарится гордыня, и захохочет шайтан в садах султана и в его мраморных палатах. Но придет и Божья кара, как напоенный верблюд переходит пустыню. Ведь Аллаху человек обязан многим, Аллах терпелив, но ничего не дает даром...

Настя задумалась, но вовсе не над женами падишаха. Ее ум, в котором Риччи пробудил интерес к государственным делам, обратил внимание на нечто совершенно иное, и она сказала:

– Но не предсказано ли, что будет с государством великого султана?

– Все что предстоит... будет и предсказано с замиранием сердца великими людьми, – ответил Абдулла. И прибавил, будто с грустью: – Когда замкнется круг времен на веках вечных очей Аллаха, тогда народ Османов уйдет туда, откуда пришел, исполнив по приказу господина свое назначение против безбожных нессараг. Но возвращаться на Восток он будет, терзаемый бандами разбойников без рода и племени, только лишь с огнем в зубах... Секунду он помолчал и завершил:

– Как всякий человек, так и всякое племя имеет свой рок, неизбежный и неумолимый, которого не обойдешь ни на коне по суше, ни на корабле по морю...

Говорил он так, словно читал священный Коран. Ни на секунду не проявилось беспокойство в его взгляде. Всей своей

позой, всем выражением лица он говорил, что будет, то будет. И даже Сулейман Великий не прервет поступь судьбы. Свой рок...

* * *

Движение, вызванное смертью старого султана и восшествием на престол нового, не прекращалось, а росло с каждым днем. На пристани началось жуткое столпотворение. Из отдаленных областей Крыма на торг пригнали множество коней, скота и рабынь. Спрос на них был высоким. Всякий начальник внимательно всматривался в товар, чтобы преподнести его как подарок стоящему над ним начальнику: искали их благосклонности в час перемен, хотели удержать свои места, а то и получить повышение.

Уроки в школе невольниц почти совсем прервались, ибо каждый день приходили вельможи и богатые купцы, которым показывали женский товар в разных одеждах или полуобнаженным. Как-то раз Настю чуть не купил какой-то анатолийский баши. Сделка не состоялась лишь из-за высокой цены, которую генуэзец не хотел снижать ни на грош.

Не прерывались только уроки, что вели женщины. Их науку невольницам вбивали в головы еще сильнее. Наскоро повторяли они искусство приличного облачения, выбора цвета в одежде, науку об убранстве покоев, хранении кашмирских шалей и дорогих вуалей из Моссула и Дамаска. Обращение

с невольницами стало более суровым: за малейший просчет их били батогами, старательно закрывая тело перед наказанием, чтобы не поранить. Стол был обильным как никогда.

Среди этого переполоха, в котором каждую в любую секунду мог ожидать печальный поворот судьбы, почти без усилий воплотилось предчувствие польской дворянки. Ее товарки почти безучастно смотрели на то, как ее наряжали.

Все знали, что приехал тот старый, немощный баши. Настя на прощание шепнула ей тихо:

– Он купил тебя не себе, а в дар кому-то. Может быть, он молод.

– О нет, – ответила жертва. – Он уж одной ногой в могиле, и ему не от кого ждать ласки. Для себя покупает! А прожить может еще долго...

Появились и армянин со старым Ибрагимом, пришли вместе с генуэзцем и напомнили своей жертве, что нужно понравиться старому баши.

– Иначе очень несладко тебе придется, – сказали они, чтобы запугать остальных.

Несчастливая жертва, помня про былые мучения, сейчас же подняла голову, сквозь слезы начала бросать огненные взгляды и живо двигаться – так, как ее учили. За час доехала она в закрытой коляске с этим полумертвецом до пристани, уже в качестве его собственности.

Настя с болью провожала взглядом свою землячку, ибо са-

ма не знала, что с ней будет.

– У бедной Ванды Вележинской уже есть муж, – шепнула Настя Кларе. Та ничего не ответила – так была взволнована. Клару направили вместе с Настей – непонятно куда...

* * *

Генуэзец, Ибрагим и армянин ходили около ограды и о чем-то совещались. Невольницы, затаив дыхание, следили из окон за каждым их движением, каждой их миной. Знали они, что эти торговцы сейчас решают их судьбу, но не знали, что решат.

Еще в тот вечер им сообщили, что завтра рано утром их повезут на продажу – целую школу. Куда – никто не сказал. Но все догадались, что повезут их морем в Царьград, ибо там самый высокий спрос. Говорили, сам Ибрагим повезет их. Но все равно окажутся они на Аврет-базаре. Это было точно известно.

Настя не спала почти всю ночь. Не спали и ее товарки.

Вспоминали прошлое, размышляли о будущем.

Ранним утром принесли им прекрасные одежды и приказали в них одеться. Вскоре всю школу рядами повели на пристань и на лодках доставили на большую галеру. Старый Ибрагим внимательно следил за ними, армянин помогал ему. Настя вспомнила первые минуты своего плена. Оба были ласковы к своим жертвам. Видно, они еще не знали, кто ку-

да попадет и для чего пригодится им. С обоими торговцами ехал также брат генуэзца.

Галера долго стояла на месте. Видно, кого-то еще ждали. Отплыла только вечером.

Настя с сожалением посмотрела на город и здание, в котором передумала столько новых для нее мыслей, мечтаний и чувств.

Какой-то холодный сумрак положил свои пальцы на тихие воды моря, на его легкие волны и на заплаканные глаза молодых рабынь.

Что за судьба ждала каждую? Одну – получше, другую – похуже: может, ждала их пугающая роскоши домов Дамаска, Смирны, Марокко и Самарканда... Но не сможет она сравниться с болью в их душах. Поэтому нежной кистью своей сумрак накладывал тень на глаза невольниц, как и прежде. Теперь они грустно пели на прощание... Пели, щебетали словно птицы... Берега Крыма и кошмарный город Кафу они покидали с болью. Такова судьба человека: он жалеет о том, что было, хоть это было и плохо, ведь боится того, что будет, ибо что будет – неясно.

Хоть они и были очень утомлены, из-за бессонницы в прошлую ночь, этой ночью они не спали точно так же. Как только таинственная ночь покрыла черным бархатом бескрайнюю поверхность моря, ужас охватил черную галеру и не давал он заснуть ни рабыням, ни их господам. Рассказывали они друг другу про пиратов, про страшного Хайредди-

на с рыжей бородой, который не боится даже галер высоких начальников. Рассказывали про козацкие чайки, которые неожиданно нападают на море и поджигают турецкие галеры.

Настя мечтала о последнем, хотя очень боялась пожара на воде.

А как только наступила полночь, и небо на Черным морем почернело словно самый темный бархат, так что ни одна звезда не сияла на его своде, бедные невольницы увидели, как далеко-далеко засверкали три красных огонька. Они быстро приближались. Беспокойство охватило торговцев на галере.

Кто бы это мог быть?

В ту эпоху моря были опасны, как и сухопутные пути.

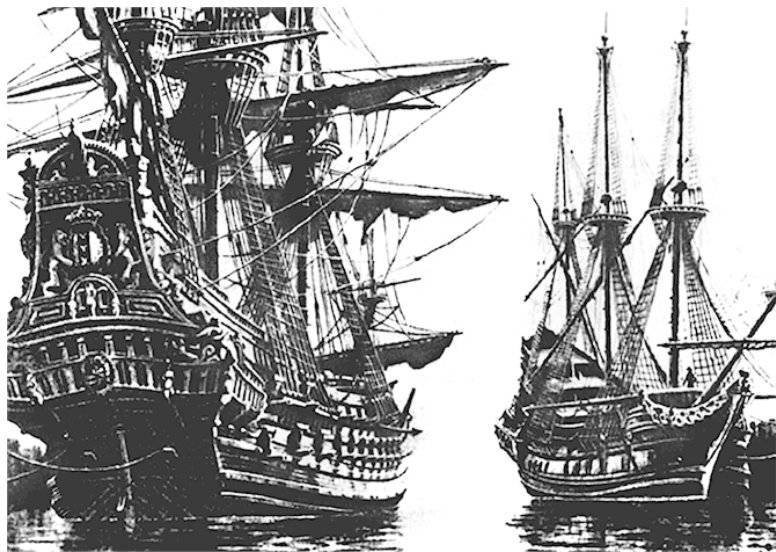
Беспокойство перешло в тревогу, ибо уже показались силуэты таинственных кораблей. То ли купеческие, то ли военные. Быстро пронесся по галере слух:

– Это Хайреддин с рыжей бородой!

Кто сказал? Все говорили. Кто начал? Никто не знал. Но ни одна душа не сомневалась, что плывет Хайреддин, «ужас пяти морей», от Алжира до Кафы и Каира, кошмарный и вездесущий...

Страх парализовал купеческую галеру. А три корабля Хайреддина – самого грозного пирата своего времени – были все ближе и светили красными огнями. В этом свете Черное море становилось еще чернее. Какое-то тяжелое удушье лег-

ло на воду, воздух и сердца всех, кто был на галере, – такое тяжелое, что, казалось, духи всех замученных грозным султаном Селимом отовсюду тучами слетались на справедливый суд Аллаха. Даже невольницы, которым нечего было терять, чувствовали, что их может ждать и нечто худшее, по сравнению с тем, что было: оказаться в руках закоренелых разбойников как добыча, которую делят по жребию.

Пиратские корабли XVI–XVIII вв.

А мрачные суда Хайредина подплывали все ближе и ближе. На их бортах уже виднелись черные стволы орудий, свер-

кали крюки и абордажные лестницы, которые разбойники перекидывали на купеческие корабли и по которым они шли с клинками в руках и зубах. Они уже стояли в ряд, ожидая приказа капитана.

Галера встала, как курица, атакованная коршунами. На одном из пиратских кораблей показался Хайреддин с рыжей бородой – ужас всех людей, шедших по морю, какой бы ни были они веры.

Его лицо было изрыто громадными шрамами. Сквозь легкий прозрачный кафтан красного шелка виднелась стальная кольчуга. На поясе у него были два острых ятагана, на боку – кривая сабля, а в руке – обычная палица. Борода его и правда была рыжей, даже красной, будто крашеной.

Настя от этого зрелища тихо, трясущимися губами стала читать псалом:

– Помилуй мя, Боже, по великой милости твоей и по множеству щедрот твоих...

Клара, дрожа всем телом, шептала Насте:

– Сейчас нападут...

Хайреддин нагло и уверенно смотрел на купеческую галеру, не говоря ни слова. Над его головой медленно поднималось красное полотно. Обычно на нем было одно лишь слово: «Сдавайтесь!»

Но теперь к великому удивлению всех, кто на него смотрел, там было написано: «Десять дней и ночей не возьму добычи ни на море, ни на суше, ни от мусульман, ни от невер-

ных, с того дня как до ушей моих донеслась весть про восшествие на престол исламский десятого падишаха Османов».

Все вздохнули с облегчение, хотя страх не отступил сразу: и свободные, и невольники глядели на три пиратских корабля Хайредина, что тихо шли мимо них.

Они почти исчезли в черном пространстве, но страх невольниц только возрос от мысли о скором приезде в город того, кому, пусть даже на десять дней, страшный Хайредин выразил свое почтение.

Настя побелевшими губами все повторяла: «Помилуй мя, Боже», – теперь уже из страха оказаться в Царьграде – столице халифа.

Все невольницы уже Бог весть в который раз рассказывали друг другу, как перед выходом их на пристань закуют их по четверо в цепи, чтобы в толпе ни одна не убежала и не скрылась.

Клара, которая откуда-то подробно знала обо всем, что делают с невольницами, объясняла Насте, что когда вдруг нет цепей, то скорее мужчин свяжут обычной веревкой, чем молодых женщин и девушек.

– Почему? – спросила Настя.

– Я же говорила тебе! Мусульмане говорят, что глупейшая из женщин хитрее самого умного мужа. В конце концов мы в наше время – товар более дорогой, чем сильнейшие из мужчин.

Белые ручки Насти задрожали, а в ее синих глазах появи-

лись слезы.

К утру она заснула тревожным сном. И ей приснилось, что на галеру все же напал разбойник Хайреддин на трех кораблях, и что издали налетели маленькие казацкие чайки... И что произошло ожесточенное сражение, и что галера запылала ярким пламенем.

Настя проснулась с криком.

Было еще темно. Лишь глаза ее горели от бессонных ночей. Она села на лежанку и начала дожидаться дня. Рано утром она услышала напряженные возгласы, такие напряженные, что ей показалось, что это ее мать и отец зовут ее:

«Настя! Настя!»

Но это был лишь клин перелетных журавлей, летевших из Малой Азии над Черным морем на Север, в ее родные края. Может, они прощались с ней...

Перед глазами ее встал Рогатин и большие луга над пастбищем, на которых отдыхали журавли.

«Там, наверное, все разрушено», – подумала она, и слезы стали душить ее. А черная галера торговцев живым товаром плыла и плыла на Запад в неведомое будущее.

VII. В Царьграде на Аврет-базаре

Как только перестал идти над Царьградом проливной дождь, весеннее солнце улыбнулось ему блеском и теплом. Зазеленели сады и огороды. И сильнее прильнул плющ к стройным кипарисам в парках Ильдиз-Киоска. И зацвели белые и синие сирени и красным цвет покрылся абрикос. С величественных стен резиденции падишаха свесились синие пахучие купы цветков глицинии. Их запах достигал пристани, где выстраивали длинные ряды молодых невольниц. . . Шли они скованные по четыре, скованные крепкими двойными цепями с кандалами на руках. Но для четверки, в которой оказалась Настя, легких цепей для женщин не хватило. И на берегу Золотого Рога, столицы падишаха, надели на нее тяжелые цепи для молодых мужчин, и затащили до предела, чтобы не выскользнули ее маленькие ручки.

Она бы верно горько заплакала, не отвлеки ее внимание жуткие сцены, что творились здесь, когда выстраивались ряды невольников-мужчин. Из-за Черного моря, с берегов Скутары, с Мраморного моря, шли к Золотому Рогу самые разные суда, галеры и каравеллы. А из них выходили на берег массы невольников и невольниц. С последними обходились еще сносно, но невольников гнали как скот: били палками и розгами, веревочными нагайками и цепями. Били до крови.

Тут Настя узрела «книгу истории наших страшнейших страданий и мук», открытую на самой середине. С момента, когда она своими глазами увидела, что даже самый ужасный турецкий разбойник умел чтить законную власть своей земли, уже не было сомнений в ее пораженной болью голове, что каждому народу Бог дает ровно то, что он заслуживает. В синих глазах Насти снова мелькнула чаша с черным ядом на фоне Высокого замка во Львове. И она чуть не разразилась рыданиями прямо на берегу Стамбула и его золотой пристани. Но лишь две тихих слезы скатились по ее лицу на кандалы и цепи, и засияли как жемчуг. Ей вспомнилось то гадание, что она почти забыла: «В жемчуге и фарарах будешь ходить, и адамашки будут под ногами твоими, а в волосах – огненный камень...»

Не в жемчуге, а в цепях она шла, ступала не по адамашкам, а по грязи, в которую падали слезы невольниц. Не было дорогого «огненного камня» в волосах, но зато огонь полыхал в ее голове, что ей казалось, будто ее глаза вылезут из орбит. Когда боль отступала, ее казалось, что она рождается заново.

А от Перы до Галаты – огромных предместий Истамбула, гнали по суше в цепях новые толпы уже проданных невольников! Кого только не было среди них! Рабочий люд, крестьяне и мещане, шляхтичи и священники. Это было видно по их одежде: наверно их недавно пригнали из родных земель крымские татары или дикие ногайцы. Рабы шли ско-

ванными или связанными, как скот, побитыми и измороженными. А турецкие собаки лизали кровь из ран от побоев.

Настя закрыла глаза, испытывая внутреннюю боль. Видно, это были невольники с ее родины, ибо чаще всего слышались от них обращения к Богу на ее родном языке, хотя слышались урывками и слова молитвы на польском: «Здравась Марйю, ласкись пелна... мудль сен за нами гжешними... тераз и в годзине сьмерци нашей... амен...»

Польский был слышен реже среди пленников. Она вспомнила слова отца о том, что и ляхи хороши, но наши «еще лучше». Вот от этого и было их здесь так много, на этой страшной каторге. Она думала: «Бог отмерил справедливость Божьей мерой...»

Она понимала, что и наши, и поляки потеряли родину, ценность большую, чем физическое здоровье. Теперь они не знали, куда их отправят и у кого они очутятся. Как только она перестала слышать родную и польскую речь, начала оглядываться по сторонам, чтобы забыть страшные сцены, виденные недавно. Она с замиранием сердца смотрела на мраморные палаты и стройные минареты прекрасной как мечта столицы Османов, утопавшей в цветах и зелени под синим южным небом.

* * *

В священную Мекку как раз отправлялись весенние кара-

ваны, что везли дары и прошения султана к гробу Пророка. Ибо то был приписанный день перед началом Рамазана.

Уже с утра тесно было на широкой улице, что с северного конца пристани ведет к Ильдиз-Киоску, расположенному над Босфором на вершине Бешикташа.

Бесчисленные повозки мелькали в цветастой толпе... А от Бешикташа до горы Ильдиз стояло рядами войско падишаха. Все еще выходили эти стройные ряды солдат султана из казармы янычар длиной в целую милю, что была быстро построена при десятом султানে Османе. Все крыши домов были до отказа заполнены зеваками. Из каждого окна смотрели глаза любопытствующих, чьи головы едва пролезали в проем из-за тесноты. А все выступы стен и балконы были утыканы зрителями, так что свободного места на них не осталось. Длинными рядами сидели на балконах турчанки в вуалях. Каждая с нетерпением ждала появления молодого султана.

Того же хотели и молодые невольницы, оставленные далеко позади. Это было сделано просто для того, чтобы они не могли идти ни вперед, ни обратно к пристани.

Из мечети вышла длинная вереница исламских священнослужителей: старые, степенные, бородатые мужи в длинном одеянии зеленого шелка с широким, шитым золотом воротником. На головах их были зеленые тюрбаны с широкими золотыми лентами. Там, перед окнами великого падишаха, в тайне от толпы грузили султанскими дарами святой весен-

ний караван к гробу Пророка.

Настя глядела во все глаза. Но не могла увидеть, что делалось там, куда пошел длинный ряд священнослужителей.

Она переборолла в себе внутреннее унижение из-за кандалов на руках.

И вот, уже с веселой улыбкой, она обратилась к старому «опекуну» и сказала бархатным голосом:

– Скажи нам, добрый Ибрагим, куда идут эти духовные лица?

Ибрагим ласково посмотрел на нее и ответил:

– Скажу, о Хюррем, хоть и не признаешь ты святого имени Пророка. Не теряю надежды на то, что светом его учения озарится когда-нибудь твой веселый взгляд. Скажу как есть. В том, что это верно, ты убедишься, если Аллах будет милостив к тебе и сделает тебя служанкой одной из жен падишаха, да живет он вечно!..

Он указал куда-то и продолжил:

– Они идут к большому двору дворца падишаха, где под окнами султана всех султанов грузят священный караван его дарами. Почтенные паломники, что пойдут с караваном, и эти духовные лица, что сопровождают их, идут в шатер, где приготовлен для них большой ужин. На ужин к ним выйдет сам шейх-уль-ислам, поверенный халифа в делах ислама, и благословит их на дорогу. После они выйдут из шатра и встанут перед окнами султана. Счастлив будет тот, чьему взору хоть раз предстанет десятый, величайший из султанов

Османов...

Тут старый Ибрагим передохнул и продолжил:

– Он стоит в одном из окон и взмахом руки попросится с паломниками, а они поклонятся ему до земли. Потом выйдут тридцать посыльных и передадут проводникам каравана золотые в шкатулках белой кожи, перевязанных зеленым шнуром. А за ними выйдут носильщики с кувшинами, в которых и лежат дары султана, отправляющиеся в Мекку. Сначала нагрузят двух верблюдов, а за ними – тридцать мулов. После этих верблюдов проведут по большой куче песка, насыпанной во дворе у султана, чтобы показать, как пойдет караван тяжким пустынным путем.

На этих словах сердце Насти задрожало. А она еще не знала, от чего. Но через мгновение поняла причину своего волнения: исламский символ напомнил ей иной образ иного торжества в родном родительском доме, где в сочельник выносили сноп и стелили на полу пшеничную или ржаную солому. Смеркалось. На небе появилась первая звезда. Редко падал снежок. Как сон, как далекая мечта возникло в ее душе это праздничное воспоминание. И Настя склонила на секунду свою головку.

А старый Ибрагим рассказывал дальше:

– После этой церемонии верблюдов остановят и расстелят перед ними молитвенные ковры. Священнослужители обратятся к Мекке, а шейх-уль-ислам еще раз благословит их. Тогда святой караван покинет пределы дворца и пойдет среди

народа. Вот и началось...

Действительно, по движению толпы было видно, что идет священный караван. Все глаза посмотрели туда. Во главе были те самые духовные лица, что недавно заходили в пределы дворца. Но теперь они уже ехали на белых конях; седла их были богато убраны золотом. Ряды стражи с трудом сдерживали толпу, которая хотела как можно ближе оказаться около каравана. Тупыми концами копий и батогами прогоняли тех, что все-таки прорывались сквозь стражу. Два головных верблюда возвышались над толпой своими головами. Дорогие металлические удила свисали с их морд, шелковые кисти с золотом прикрывали их. На горбе первого верблюда на драгоценном ковре возвышался балдахин, наполненный сокровищами и покрытый златоткаными коврами. Другой верблюд нес на горбе, на шелковых коврах, чудную башню, с павлиньими и страусиными перьями, что должны были отгонять от каравана злых духов. За ними шла стража в такт глухим ударам барабанов.

Теперь колонна остановилась. Два араба, вооруженные кривыми саблями и металлическими щитами с тарелку величиной, сошлись друг с другом в бешеной схватке. Они быстро наносили удары по щитам и саблям друг друга, искусно правя конями. Это зрелище олицетворяло на падение разбойников на караван и бой с ними: паломники длинными палками отбивались от нападавших. После караван спокойно двинулся дальше.

В середине его, под сильной охраной, два крепких мула несли прекрасный резной, напоминавший целый павильон паланкин из черного дерева. Крыша его держалась на золоченых столбах. Сверху у него блестел золотой полумесяц. По бокам было открыто по три окошка, а спереди и сзади – по одному. Все они были завешены шторками. На мягких подушках в паланкине сидел маленький сын султана, который представлял отца: сам султан лишь душой был с паломниками.

При виде престолонаследника гигантское воодушевление воцарилось в народе. Но он только движениями глаз и рук, а не криком, выражал свои чувства, чтобы не испугать юного наследника падишаха.

И только шепот шел среди мусульман: «Это Мустафа, первенец султана Сулеймана...»

Это был первый член семьи падишаха, которого Настя увидела в его столице. Красивый, живой ребенок.

За паланкином шел длинный ряд тяжело нагруженных мулов. Каждый из них кроме двух наполненных сосудов нес еще по какому-то чудному четырехстороннему приспособлению с павлиньими и страусиными перьями. Все они были покрыты драгоценными тканями.

За мулами снова следовала стража. А за ней и другие участники хаджа и масса народа.

Весь этот живописный кортеж двигался в направлении пристани, откуда должен был отплыть к азиатским берегам,

в Скутару.

* * *

В это время армянин с генуэзцем куда-то ушли. Может, на поиски ночлега для себя и живого товара? А может, искали они покупателей, ведь филиал их компании давно был должен приготовить место ночевки для невольниц. Может, даже нужных покупателей найти, а армянин с генуэзцем отходили только для верности.

У Насти вдруг заболело сердце от мысли про тяжкую судьбу, ожидающую рабынь. О себе она отчего-то не тосковала, думала о подругах. Ее врожденная веселость будто говорила: «Ты везде найдешь себе дорогу».

Но только день начал умирать на улицах Царьграда, в сердце ее вкралось волнение. Сначала оно потихоньку ранило, но потом стало мучить все сильнее и сильнее. Уже сильно забилося сердце. Сначала оно было как сверчок во ржи – стучало прерывисто, тихо. Но потом будто защебетало соловьем в калине, что растет в саду у реки Липы.

Сумрак уже начал тихо блуждать улицами Стамбула. Муэдзины прервали пение пятого азана с вершин стройных минаретов, и тут пришли армянин с генуэзцем. Они были довольны прогулкой по городу. Армянин что-то шепнул Ибрагиму и тот тоже повеселел.

Он обратился к девушкам и сказал:

– Пойдем! Ночевать вы будете недалеко от Аврет-базара. Они повиновались.

Еврейка Клара, что шла около Насти, шепнула ей:

– Завтра будут богатые купцы.

– И что с того?

– Как что? Лучше все же попасть в богатый дом, а не в бедный.

– А откуда ты знаешь, что будет именно так?

– Как откуда? Думаешь, чего они вернулись такие довольные? Видно, подкупили слугу какого-то богатого дома, который завтра пойдет покупать рабынь. Я их хорошо знаю!

А ты про меня вспомнишь, если тебе повезет больше?

– Да, но и ты не забудь меня!

– Разве забывала я тебя в Крыму?

– Нет, нет. Я тебе и правда благодарна, – сказала Настя Кларе. Это ее немного успокоило.

Было уже совсем темно, когда их хозяева провели их в большие сени какого-то постоялого двора, что располагался около рынка невольниц. Девушки вошли туда спокойно, будто овечки. Скоро их расковали и разместили в больших комнатах. Тех, кому не хватило места, разместили в сенях на сене. Всем предоставили воду для омовения, чистое белье и дали пищу.

Есть они почти не могли. Но с удовольствием мылись после долгой дороги. Наконец легли спать, обратившись к Богу.

Настя сразу заснула.

Спала чутко, как пташка на ветке. Давно уже, чуть ли не через ночь посещали ее какие-то странные сны. И теперь сон был странным: ей снилось, что она шла степями по кровавым следам с другими невольницами. И все пришли к какому-то мрачному городу над морем. На улицах его было темно. При входе на каждую из улиц стояли вооруженный мужчина и женщина в белом с ребенком. Они брали на ночлег усталых путешественниц, но спрашивали: «Есть ли у тебя родина?» У кого была, тот входил в дом переночевать. А у кого нет, должен был лечь на жесткие камни у дома. Всюду шныряли собаки и нюхали лежащих, скаля на них зубы. Холодный мрак стоял на темных улицах. Настя легла на сырые камни и заснула. Во сне ей приснился еще один сон: черная чаша отравы, кинжал убийцы и какая-то долгая сказка без конца. Тупая, нескладная и бесполезная. С шумом и гамом все плевались друг в друга, дрались и резались длинными ножами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.